

Т.КОРНЕВ

ЧЕТ А ТУМБ ТОМ 2

Резонанс

Павел Корнев
Негатив. Том 2

«Автор»

2022

Корнев П. Н.

Негатив. Том 2 / П. Н. Корнев — «Автор», 2022 — (Резонанс)

Восемнадцать лет — превосходный возраст для саморазвития. При грамотном подходе можно добиться много, главное отыскать правильную мотивацию, а отыскав — не дать ей себя прикончить. Пусть ты уже худо-бедно оперируешь сверхэнергией, постигаешь основы права и криминалистики, неплохо дерёшься и уверенно обращаешься с табельным оружием, но всё же пока бесконечно далёк и от истинного могущества, и от настоящего профессионализма. И если в институте можно уповать на пересдачу, то на тёмных ночных улочках первый провал станет и последним. То, что не убивает оператора сразу, не убивает его вовсе? Ну да, ну да...

© Корнев П. Н., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть первая: Провокация	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	39
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Павел Корнев

Негатив. Том 2

Часть первая: Провокация

Глава 1

Дождаться первого февраля я не стал и, последовав совету Георгия Ивановича, позвонил на курсы контрольно-ревизионного дивизиона заранее. В итоге пришлось распрощаться с идеей поваляться с книжкой на койке и ехать в учебный центр ОНКОР, располагавшийся на северо-восточной окраине Новинска. Со стороны города его территория примыкала к промзоне, с противоположной тянулся обнесённый колючей проволокой полигон. Там порывивали танковые двигатели, трещали пулемётные очереди и время от времени громыхали взрывы.

На плацу отрабатывали строевой шаг пехотинцы, а на стенде сразу за пропускным пунктом обнаружилась карта с отметками основных учебных корпусов. Курсы контрольно-ревизионного дивизиона проходили в неприметном двухэтажном здании на каких-то совсем уж глухих задворках, пришлось изрядно поплутать, прежде чем вывернул к его крыльцу.

Дежуривший на проходной сержант сверился со списком посетителей, после велел подниматься в двенадцатый кабинет. На двери того красовалась табличка «Ноготок Д.Г., заведующий».

Подтянутый господин в штатском, представившийся Денисом Гавриловичем, в пять минут оформил все необходимые документы и выдал стопку потрёпанных брошюр.

– Ничего секретного тут нет, но всё же исключи доступ к учебным материалам посторонних, – предупредил он, постучав пальцем по отметке «ДСП» на обложке верхней из книжиц. – Подготовку по рукопашному и ножевому бою будешь проходить на базе комендатуры, стрелковую – у нас. Самостоятельным изучением пособий не пренебрегай, график обучения плотный, на одни только занятия уповать не стоит.

– Понял, – кивнул я. – А насчёт подготовки в комендатуре к кому обратиться?

– Спроси куратора, он подскажет, – заявил Денис Гаврилович, очевидно имея в виду капитана Городца. – Сюда подходи второго числа к половине третьего, и чтоб без опозданий!

На этом наше общение подошло к концу, и я получил возможность воплотить в жизнь своё намерение поваляться с книжкой на кровати. Только не следил за детективной интригой или ходом пиратских сражений, а пытался вникнуть в области знания, предельно далёкие от меня до сегодняшнего дня.

Принципы организации наружного наблюдения, способы выявления слежки и варианты ухода от неё, ведение допросов и основы вербовки, организация законспирированных ячеек, тайников и явочных квартир, использование шифровальных блокнотов и прочих средств тайной связи, порядок ведения обысков – официальных и негласных, мотивация сексотов и прочая, прочая, прочая. Вишенкой на торте стал разговорник айлийского, оксонского, срединского, нихонского и диалекта северных провинций Джунго. Содержавшийся в них словарный запас не мог похвастаться разнообразием, но способностью к языкам я сроду не отличался и вовсе не был уверен, что сумею понять хоть что-нибудь из ответов на свои вопросы о полученном задании, местных пособиях и расположении военной части.

Ещё и прятать от Василя всё это добро приходилось, иначе моё увлечение столь странной литературой повлекло бы за собой совершенно ненужные расспросы и подозрения.

В среду впервые выбрался на занятия в институт. Накупил тетрадей и заранее заточил сразу три карандаша, а уже перед выходом сообразил, что их попросту не в чем нести. Пришлось брать вещевой мешок, что вид мне придало откровенно нелепый.

Но деваться было некуда – подвёл карманные часы по сигналам точного времени и выдвинулся к психиатрической клинике, где условился встретиться со Львом. А там оказался изрядно фраппирован тем обстоятельством, что мой бывший одноклассник отправился в институт не своим ходом и даже не на извозчике, а на персональном автомобиле. И не какой-нибудь малолитражке, вовсе нет! Рядом со мной притормозил длинный седан! Место водителя было отделено от пассажирских сидений шторкой, а самих сидений оказалось два: одно напротив другого.

Лев с упёртой в пол тросточкой восседал на заднем, глаза его закрывали круглые непроницаемо-чёрные очки слепца. Я так удивился, что даже не сразу заметил расположившуюся напротив моего товарища барышню – строгую, спортивную и вполне симпатичную, но не более того. На вид ей было года двадцать два.

– Падай, Петя! – Лев хлопком по сиденью пригласил меня присоединиться к нему и представил спутницу: – Это Милена.

Я уселся рядом с товарищем, захлопнул дверцу и уточнил:

– А Милена у нас...

– Ну... – Лев выпятил губы. – Сиделка-секретарь, наверное. Опекун. Нянька. Чёрт, я думал, ты первым делом об очках спросишь!

Я только фыркнул.

– Да мне бы с мыслями собраться! И да – очки тебе зачем?

Автомобиль тронулся с места, покатыл очень плавно и мягко, тогда Лев слегка расслабился, откинулся на спинку и сказал:

– Для начала решили свести к минимуму все отвлекающие факторы. Если стану ориентироваться исключительно на сверхъестественное чутьё, будет меньше шансов, что упущу его из-под контроля.

– Ну ты вообще! – только и протянул я. – Какие предметы хоть выбрал?

Мы сверили наши сегодняшние расписания и обнаружили, что совпадает только первая пара общей теории сверхэнергии. Да, собственно, никаких других занятий Лев на этой неделе посещать больше и не собирался.

– Посмотрим, как пойдёт, – вздохнул он и нервно стиснул тросточку.

Оставалось лишь посочувствовать товарищу. И сам потерялся, когда первый раз в институт зашёл, а у меня лишь урезанный эрзац ясновиденья, не полноценный дар. Как бы у Льва мозги не закипели от перенапряжения. Сверхэнергетических помех там – мама не горюй!

Ещё было интересно, как далеко распространяется влияние покровителей моего бывшего одноклассника. Всерьёз ожидал, что автомобиль проедет на территорию студгородка через служебные ворота, но нет – водитель обогнул сквер с фонтаном у центрального входа и подрулил к мраморному крыльцу, помпезному и украшенному барельефами и статуями.

Спешившие на занятия студенты принялись замедлять шаг, а уж когда первой выбравшаяся наружу Милена придержала дверцу для Льва, стали оборачиваться даже те, кто проигнорировал появление автомобиля. Я покинул салон, поглядел по сторонам и проклял всё на свете за опрометчивое решение надеть плащ и прихватить вещмешок. Деревенщина – деревенщиной, право слово!

Лев растерянности никак не выказал, позволил Милене взять себя под руку и двинулся к ступеням, постукивая тросточкой по брусчатке. Я потопал следом, чувствуя себя откровенно не в своей тарелке.

– Увидимся на паре, – шепнул товарищу и, предъявив на входе карточку вольного слушателя, свернул в служебный коридор.

Рядом невесть откуда возник средних лет господин в неброском костюме-тройке и с красной повязкой на рукаве.

– Молодой человек, стойте!

Я развернулся, раскрыл удостоверение ОНКОР и сказал:

– Сегодня с трёх до семи у вас дежурю. Можно вещи закинуть, чтоб с собой не таскать? Там ничего ценного нет.

Вахтёр наморщил лоб.

– Линь... Линь... Линь... – забормотал он, потом прищёлкнул пальцами. – Да, точно! Тебя на служебный вход поставили, туда иди.

– Туда – это куда?

– Прямо по коридору. Никуда не сворачивай и не промахнёшься.

Я поблагодарил вахтёра, направился в указанном направлении и действительно – не промахнулся, хоть под конец и начал подозревать, что забрёл куда-то не туда, очень уж протяжённым оказался коридор.

Привёл он меня в вестибюль с лифтами, и тут было далеко не столь многолюдно, как на центральном входе, да и публика показалась старше основной массы студентов; надо понимать, через эту проходную в институт попадали исключительно преподаватели, аспиранты и лаборанты. Дежурили там два сонных вахтёра, и зачастую они даже не просили предъявлять удостоверения – с кем-то раскланивались, с кем-то здоровались. Оба были операторами.

Тут же на лавочке обнаружился Михай, он подошёл поздороваться, заодно представил меня, и вахтёры не прогнали взащей, только предупредили, что работать буду с их сменщиками, а после старший в паре проводил до караульного помещения и отпер дверь.

– Поживей давай, самый час пик начинается! – сказал он, запуская меня внутрь.

Убрать плащ и кепку на вешалку, вытянуть из мешка тетради и карандаши, а после сунуть его под диван много времени не заняло. Дальше я заскочил в уборную и погляделся в зеркало, привёл в порядок причёску, шумно вздохнул, пытаюсь унять совершенно иррациональную дрожь.

Ну вот чего волнуюсь, а? Имею право тут находиться, не в частном клубе – на улице не выставят. И студенты от учащих энергетического училища ничем, кроме витка инициации, не отличаются. Тут, если разобраться, интеллектуалов не сильно больше, и я их почти всех уже знаю, пиетета никакого не испытываю, а некоторым так и вовсе с превеликим удовольствием нос бы сломал.

Ну так чего ж меня морозит всего?!

Кое-как подавил нервную дрожь, отправился на поиски нужной аудитории. Пока плутал по коридорам, не забывал поглядывать по сторонам и в итоге решил, что отличаюсь от студентов разве что отсутствием значка с символикой института, номером разряда или витка и румба инициации. Впрочем, таковые были далеко не у всех, попадались молодые люди и без них, о барышнях и не говорю. Так что – я как все. Голова, две руки, две ноги, туловище. Костюм получше, чем у многих, туфли так и вовсе отличные. Разве что папки какой-нибудь остро не хватает; иду, как дурак, с тетрадями в руках.

Ещё подметил, что многие студенты клевали носом на подоконниках и скамейках, будто подъём к первой паре стал нешуточным испытанием для их не очень-то и спортивных организмов. А мне нормально – по общей побудке в шесть утра как огурчик встал.

Иногда в коридорах встречались что-то оживлённо обсуждавшие компании, через них не проталкивался, предпочитая обходить. Всё время ждал встречи с кем-нибудь из знакомых, но так никого и не встретил. Оно и немудрено: такая прорва народу учится!

Двери нужной аудитории стояли открытыми нараспашку, они вели на верхний ярус, а по проходу между рядами парт вниз уходила лестница; у дальней стены располагались кафедра лектора и доска. Занято оказалось не больше четверти мест, но гул в помещении стоял такой,

будто то было забито под завязку. Впрочем, болтали далеко не все. Несколько человек затеяли игру в карты, а кто-то кемарил, подложив под голову руки.

Лично я предпочёл бы расположиться поближе к выходу, тем более что заметил там Мишу Поповича, но Лев – или же его спутница? – выбрал первый ряд, пришлось спускаться и садиться рядом.

– Когда с Палинским знакомиться пойдёшь? – спросил я товарища, понизив голос.

– После лекции. На завтра уже практические занятия назначены.

Этим наше общение и ограничилось, поскольку появился лектор и все мигом заткнулись и встали за партами, игральные карты исчезли в мгновение ока, и даже засони подскочили как по сигналу будильника.

Преподаватель – представительный и солидный, с явственно наметившимся животиком и аккуратной бородкой, – поприветствовал всех и разрешил садиться, потом начал читать вступительную лекцию. Та особого впечатления не произвела, но вот после короткой перемены речь зашла о действительно интересных вещах. Интересных и сложных. Конспектировал я, не переставая, не затачивал карандаши, просто менял их по мере стирания грифеля на новые. В отличие от меня, Лев лишь слушал, записи за него делала Милена.

Позавидовал даже ему под конец. Сроду писать столько не приходилось, да и чем дальше, тем сильнее в голове нарастало давление. Всё из-за того, что по своему обыкновению набрал потенциал во время резонанса. Решил, будто в достаточной степени освоил технику заземления, и поначалу, пока бегал по институту, действительно никаких неприятных ощущений не испытывал, но вот на лекции буквально физически ощущать стал, как сверхэнергия в противофазе стремится просочиться наружу, притягиваемая потенциалами других операторов. Ни на миг самоконтроль ослабить не мог.

Когда прозвенел звонок и сошедшего с кафедры лектора окружили три барышни и двое молодых людей, я с облегчением перевёл дух, а потом шепнул сидевшему прямо-прямо, будто шпагу проглотил, приятелю:

– Ты часом не уснул?

Тот улыбнулся уголком рта.

– У меня сейчас голова лопнет, – сознался Лев, поднялся и покачнулся, едва устоял на ногах, всерьёз опёрся на тросточку, предназначенную совсем для другого.

Следующая пара должна была начаться только через пятнадцать минут, и я предложил:

– Давай провожу.

– Да вот ещё!

– Всё равно заняться нечем.

Милена взяла Льва под руку и направила его к лестнице, но у меня возникло впечатление, что в этом не было ровным счётом никакой нужды. Понятия не имею как, только мой товарищ чем дальше, тем лучше ориентировался в пространстве, несмотря даже на непрозрачные стёкла очков. Но вот в заполонённом студентами коридоре он всё же потерялся, там целиком и полностью положился на Милену. Мы подошли к лифту, и какой-то торопыга с удивительной непосредственностью вознамерился влезть перед нами без очереди, ещё и походя отгёр Льва плечом.

Среагировал я совершенно машинально. Вклинился между товарищем и навалившимся на него нахалом, поставил свой полуботинок вплотную с лакированной туфлей студента и легонько двинул оппонента плечом. За счёт выигрышного положения в чрезмерных усилиях не возникло нужды, и отнюдь не самого хлипкого сложения парень с неприятно-бугристым лицом не удержал равновесия и оказался прижат к стене.

– Прошу прощения, – улыбнулся я и на миг задержался, дав возможность пройти в кабину Льву, а после шагнул следом сам.

Лифтёр закрыл дверцы перед носом обескураженного крепыша, и тогда Милена негромко сказала мне:

– В этом не было нужды.

Я лишь пожал плечами, не став доказывать собственную правоту. Было бы перед кем распинаться! Опять же – не время и не место.

На кафедре феномена резонанса я надолго не задержался, лишь показался на глаза профессору Палинскому и сразу откланялся, поспешив на следующее занятие. Второй парой стояли основы криминалистики. Читали её в аудитории существенно меньших размеров, а среди студентов совсем не оказалось представительниц слабого пола. Худой будто щепка преподаватель беспрестанно курил папиросы и покашливал, его усы от табачного дыма сделались рыжевато-сизыми, а сам он совершенно точно не был оператором. Но слушали его внимательно, никто не отвлекался на разговоры с соседями и не скучал. Такое впечатление, кроме меня первокурсников тут и не было вовсе.

За окном потемнело, принялись стучать по отливам капли дождя, и с непривычки начало клонить в сон, чуть челюсть не вывернул, пытаюсь справиться с зевотой. Впору было порадоваться, что на заднюю парту сел. Наверное, задремал бы даже, но приходилось прилагать постоянные усилия, дабы удержать под контролем внутренний потенциал.

И ведь не слить его тут никак! Придётся алхимической печью пережигать, иначе точно голова лопнет...

Вторую длинную перемену решил потратить на поиски столовой. Найти – нашёл, но хоть в просторном помещении и работало сразу несколько раздач, очереди к ним выстроились изрядные, да и свободных столиков уже не осталось. Подозреваю, спокойно перекусить тут реально было только во время лекций, а у меня в сегодняшнем расписании окон не было. Тогда в целях рекогносцировки прошёл по этажам и наткнулся на буфет, где было далеко не столь многолюдно, но талоны там не принимали, а цены откровенно кусались. Поймал ртом струйку фонтанчика с питьевой водой да и двинулся обратно к лестнице.

По пути обратил внимание на компанию крепких молодых людей с одинаковыми стрижками, отчасти напоминавшими мой собственный «бокс». Говорили они на рубленном тяжело-весном языке – в гимназии изучал оксонский, узнал его сразу.

Я несколько даже растерялся. Почему-то полагал, будто после провозглашения независимости их квоту от Лиги Наций закроют, а учащихся вышлют, но вот они – пьют кофе, лопают булочки и кажутся вполне довольными жизнью. Странно.

В запасе оставалось минут пять, и я заскочил перед парой в туалет, а когда уже споласкивал руки, вновь хлопнула дверь. Оглянулся и обнаружил, что ко мне присоединился худощавый паренёк в просторных брюках и пиджаке нараспашку.

– Новенький, да? – спросил он с неприятной такой ухмылочкой.

Внутри всё заныло в предчувствии неминуемой драки; удивился даже этому полузабытому ощущению. Не иначе атмосфера учебного заведения свою роль сыграла, снова гимназистом себя ощутил.

– Чего молчишь? – продолжил наседать на меня паренёк. – Новенький же?

– Допустим, – коротко ответил я, ожидая развития событий.

– У нас тут свои порядки! Если что-нибудь выкинешь – мигом в бараний рог скрутим! Усёк?

И тут я его узнал. Сначала вспомнилась отрывистая жестикуляция, а потом и наглая физиономия. Точно! Именно этот задохлик с двумя приятелями пытался взять меня в оборот тем летом в городском парке. Тогда вмешался Карл, а сейчас...

Я улыбнулся и шагнул вперёд.

– Малыш, у тебя от рождения с памятью плохо или часто по голове били?

– Чё?

Коротышка нахохлился, но я был выше и – кто бы мог подумать! – тяжелее, поэтому заставил его попятиться к входной двери.

– Да ты знаешь, с кем связался, а?

– Знаю, – подтвердил я, наступил пареньку на ногу и легонько пихнул плечом.

Отступить тот не смог, опрокинулся на дверь, распахнул её и вывалился из уборной. Я шагнул следом и протянул руку, но коротышка предпочёл подняться с пола самостоятельно.

– Тебе конец! – выкрикнул он излишне громко; начали оборачиваться студенты.

– Ты аккуратней давай. Падение на задницу сотрясение мозга вызвать может, – заявил я с улыбкой, столь же безмятежной, сколь и фальшивой. – А если копчик сломаешь, тогда вообще беда.

– Поговорим ещё! – многообещающе прозвучало в ответ, и паренёк отошёл к компании студентов, наблюдавших за нами со стороны.

Среди них обнаружился и тот, которого Карл прошлым летом поименовал Северяниным, но удивило другое: там же стоял и торопыга с бугристым лицом, и вот это обстоятельство на простое совпадение уже несколько не походило.

Послышался смех, и от группы спортивного вида студентов донеслась ехидная реплика:

– Ну что, Север, съел?

Я воспользовался моментом и двинулся к лестнице. Ситуация показалась какой-то очень уж наигранной. В институте куча народа учится, а цепляться в первый же день начали именно ко мне. И ладно бы на общем фоне как-то выделялся – так нет же! Но вот кто выделялся – так это Лев. Его появление в чёрных очках и с тросточкой точно событием дня стало. Быть может, дело именно в этом?

Предположение показалось небезынтересным, решил при первом же удобном случае поделиться им с Альбертом Павловичем. Ну а сейчас пора было бежать на лекцию.

Третьей и последней на сегодня парой у меня были основы психологии, заскочил в аудиторию уже непосредственно перед самым звонком, и три последних ряда оказались заняты, пришлось садиться чуть ниже.

– Представляешь, он два года в лучшей психиатрической клинике Ведуны стажировался! – поведала соседке барышня с соседней парты, но подробностей не последовало, поскольку через вторую дверь зашёл лектор.

Это был молодой человек лет двадцати семи – тридцати, стройный и подтянутый, в отлично пошитом костюме. Он положил небольшой кожаный портфель на стол, встал за кафедру и, разрешив присутствующим садиться, представился:

– Меня зовут Эрнест Карлович Рейс, я – магистр психологии...

Хорошо поставленный голос, негромкий, очень ровный и мягкий, легко перекрыл шепотки, и студенты враз смолкли, шепотки как отрезало. Первый академический час лекция шла под аккомпанемент едва слышного шуршания грифелей карандашей и скрипа стальных перьев, а вот на второй половине занятия магистр стал работать с аудиторией, вовлекать в обсуждение студентов с первых рядов, приводить примеры из древней и классической литературы, и я даже не заметил, как пролетели эти сорок пять минут.

– Такой красавчик! – шепнула подружке моя соседка и предложила: – Давай подойдём!

Барышни начали спускаться по проходу, и пообщаться с лектором на перемене захотели отнюдь не только они одни. Среди окруживших кафедру девушек затесалось и несколько молодых людей, ну а я быстренько собрался и поспешил в столовую, пока туда не успели набежать оголодавшие студенты. Мои талоны на питание вопросов не вызвали, рассчитался ими за обед, ещё и с Мишей Поповичем скооперировался. Я взял картофельное пюре, он тушёную капусту, вот и сообразили сложный гарнир.

– Не цепляли тебя? – уточнил, когда приступили к трапезе.

Миша аж вилку до рта не донёс.

– Нет. А кто?

– Да есть тут деятели. Если что – обращайся.

Дальше я просидел до половины третьего в библиотеке, после чего отправился в больницу. Перед кабинетом Лизаветы Наумовны как обычно толпились пациенты, но я с важным видом прошествовал мимо очереди, а в ответ на недоумённые возгласы объявил:

– Доставка документов!

На левой руке у меня для пушей важности была повязана красная повязка, и никто возмущаться не стал. Я постучал в дверь, после приоткрыл её и обнаружил, что Лизавета не ведёт приём, а заполняет какие-то бумаги.

– Лизавета Наумовна, здравствуйте! Я табели принёс, как договаривались.

Та отложила ручку, взглянула на меня и разрешила:

– Проходи, Пётр.

Увы, за вторым столом тётушка в белом халате беседовала с конопатой студенткой, и разговора с глазу на глаз не получилось. Я опустил на стул для посетителей и протянул два листа. Пояснил:

– Основной табель и пересдача.

– Пересдача? – Лизавета взяла листы и принялась сравнивать, потом подняла на меня удивлённый взгляд. – Это как так?

– Пришлось энергией в противофазе оперировать, а то не брали из-за низких показателей.

– Макар Демидович будет впечатлён, – заметила Лизавета и улыбнулась. – Я тоже впечатлена. Всё очень даже неплохо.

– Мощность только подкачала. Сорок четыре киловатта – это несерьёзно.

– У кого-то нет и этого.

– Ну да, ну да...

– Выше нос! – приободрила меня Лизавета и спросила: – Как самочувствие? Ничего не беспокоит?

Я посмотрел в её серые глаза, и по спине немедленно побежали мурашки.

– Всё хорошо, замечательно даже, – уверил собеседницу после мимолётной заминки и осмелился добавить: – Но от дополнительного осмотра бы не отказался. Не хочется самолечением заниматься.

Лизавета всё поняла верно и улыбнулась.

– Молодому и здоровому организму вроде твоего самолечение во вред не пойдёт. Всё, беги. Документы Макару Демидовичу я передам.

Я никак не выказал разочарования, поднялся со стула и двинулся к входной двери, но сразу обернулся и уточнил:

– Лизавета Наумовна, а вы на разряд сдали?

– Сдала.

– Поздравляю! – сказал я и отправился восвояси.

Точнее – побежал на служебный вход. Подходило время дежурства, и опаздывать в первый же день совершенно не хотелось. Успел вовремя, и это было просто здорово, поскольку заместитель коменданта уже дожидался меня на месте.

– Тут всё просто, – заявил он. – Стоишь и ни во что не вмешиваешься. Возникнет нужда, тебя позовут. Понял?

– Так точно!

– Работать будешь с Валентином и Николаем, всё тебе покажут и расскажут.

Парочка вахтёров синхронно кивнула. Они были похожи как братья – оба среднего роста и крепкие, каждому лет под сорок; операторы.

Мелькнула мысль, что пройти инициацию эта парочка должна была примерно в одно время с нынешним ректором, и меня продрало холодком заполошного страха – а ну как тоже застряну в комендатуре на два десятка лет? Буду гонять хулиганов и крутить руки нарушителям общественного порядка день за днём, вечер за вечером. И хорошо если на пик витка выйду. А там – потолок.

Меня даже замутило, решил отвлечься, вот и спросил:

– Где план эвакуации на случай пожара, аптечка и оружие?

Заместитель коменданта указал на дверь дежурки и распорядился:

– Покажи ему, Николай.

Я проследовал за вахтёром, а тот первым делом подошёл к столу.

– Кто выливает последнюю воду, тот наполняет чайник. Обедаем и ужинаем в столовой, захочешь заморить червяка – покупай сам. Еду храним здесь.

Он распахнул шкафчик под забранным решёткой окном, там над верхней полкой обнаружилось сквозное отверстие в стене.

– План эвакуации на стене, шкаф с медикаментами – вот. Оружейный шкаф за дверью. Ключи от него у меня. – Николай вытянул за прицепленную к брючной петле цепочку связку ключей, продемонстрировал её и спрятал обратно в карман. – Ещё вопросы?

Я пожал плечами, потом уточнил:

– Мне и в самом деле ничего делать не нужно?

– Учишься? – спросил вахтёр, кивком указав на стопку тетрадей.

– Учусь.

– Ну и занимайся. Нужно будет кого-нибудь подменить – позвоём. Только за инструктаж распишись сначала.

Я уселся за стол и принялся разбираться с журналами проведения инструктажа, затем погрузился в лёгкий транс, разровнял плотность потенциала, равномерно разогнав слишком уж колюче ворочавшуюся в груди сверхсилу. Посидел так немного, свыкаясь с новыми ощущениями, и взялся перечитывать конспект общей теории сверхэнергии и вникать в заумные формулировки, которыми изобиловала лекция.

Задул западный ветер, от окна потянуло сквозняком, стекло покрылось коркой наледи, ну а я чем дальше, тем сильнее испытывал смутное ощущение неправильности. Не на пустом же месте решение об усилении охраны института возникло! Если в мою смену ЧП случится, пока конспекты изучаю, мало точно не покажется.

Так стоит ли под выговор подставляться?

Ещё не хватало, чтобы с учёбы турнули!

С обречённым вздохом я убрал тетради в вещевой мешок, но выходить из караульного помещения повременил и для начала изучил схему эвакуации и карту студгородка, территория которого оказалась куда обширней, нежели полагал после беготни с обходным листом. Потом я вышел в коридор и предупредил Николая:

– Осмотрюсь пока.

Близость множества операторов колола со всех сторон энергетическими помехами, и приходилось удерживать яснovidенье под жёстким неослабевающим контролем, вот и погрузился в лёгкий транс, вновь принялся работать с потенциалом. Впрочем, даже будь я насто-роже, это бы ровным счётом ничего не изменило. Просто вышла из бокового коридора компания студентов – ну чего тут такого?

Вот только это оказались не студенты, а слушатели «Общества изучения сверхэнергии». Монархисты, чтоб их черти драли!

Три молодых человека и две барышни двинулись было к лифту, но заметили меня и задержались.

– Какие люди! – скривился рыхловатый и полноватый Роман, со смешком пихнув приятеля локтем. – Представляешь, Анатоль, этот невежа не безнадёжен! Его в вахтёры взяли!

– Кузен, перестань! – попросила Юлия Сергеевна со своим тягучим акцентом. – Давай не будем устраивать сцен!

Тот голосу разума не внял и продолжил изгаляться:

– Анатоль, скажи: ну неужели я не прав?

Боксёр удара по уху не забыл и зло глянул на меня исподлобья.

– Прав, конечно. Надо было всё же написать жалобу, как собирались. Мёл бы сейчас улицы, для чего и был рождён!

Молодые люди рассмеялись, а я не нашёлся с остроумным ответом, стоял и молчал, как дурак. Да и что тут скажешь? Не при исполнении же перебранку и тем паче драку затевать!

Ну да – оправдание собственной нерешительности я придумал что надо, только вот разбить надменные реваншистские рожи из-за этого хотелось только сильнее!

Юлия Сергеевна рассудительно заметила:

– Роман, Анатоль, вы ведёте себя неприлично. И он, ко всему прочему, студент. Мы видели его на теории сверхэнергии. Настя, скажи!

Смазливая блондиночка наморщила лоб, потом протянула:

– Точно! Он же ещё сидел с тем слепым чудиком!

Роман скривился, выдал:

– Подумать только, кого в аудитории пускают! – Распахнул дверцу лифта, первым шагнул в неё и выдал напоследок: – Цирк уродов, да и только!

Остальные последовали за ним, тогда подошёл Николай и спросил:

– Чего они к тебе прицепились?

– Да зарядил в прошлом месяце одному в ухо, – поморщился я.

– Контра! – проворчал Валентин.

Я вздохнул. Контра и есть.

В семь вечера отправился на тренировку в институтскую боксёрскую секцию. На этом в последнюю нашу встречу настоял Георгий Иванович, не соизволив никак объяснить своё решение, лишь проворчал что-то неразборчивое о необходимости скорейшей социализации.

У меня были большие сомнения, что из этой затеи выйдет хоть какой-нибудь прок, но и жаловаться на впустую потраченное время не приходилось: вспотел уже на упражнениях со скакалкой, а дальше мне ставили правильное перемещение во время боя, уклонения и прочие финты, в коих я оказался откровенно не силён.

Уже после душевой подошёл Карл.

– Пьер, а ты вообще поступление собираешься отмечать? – поинтересовался он с таким видом, что иначе как риторическим вопрос было не расценить.

Мысль пропустить пару стаканчиков отторжения у меня не вызвала, обречённо вздохнул я совсем по другой причине.

– Хоть не в «СверхДжоуле»?

– Не, мы теперь туда ни ногой! – уверил меня Карл. – Это ж натуральное логово пацифистов! Научный факт! К нам в клуб пойдём.

– А давайте лучше в «Под пальмой» посидим? – предложил Коля. – На улице каток настоящий. Три раза уже навернулся за сегодня.

– Это где? – уточнил я.

– Кафешка напротив сквера.

Я кивнул.

– Тогда вы идите, а я через полчаса прибегу.

Так и решили.

Выгаданные полчаса я использовал с умом – поужинал в студенческой столовой. Не знаю, какие расценки в «Под пальмой», а тут и кормят прилично, и талонами расплатиться можно. Потом ещё забежал за плащом в дежурку, а только выскочил на крыльцо и едва не скатился по его обледенелым ступеням, лишь в самый последний момент за перила схватиться успел. Осторожно спустился, шагнул на брусчатку и понял, что в своих шикарных полуботинках недалеко ушёл от коровы на льду.

Обидно, досадно, но – ладно. Дойду.

Зато от уличной прохлады чуть меньше голова болеть стала.

Плохо разве? Да ничуть!

Когда миновал сквер с фонтаном, у ближайшего фонаря остановился извозчик, из повозки выбрался молодой человек, и я узнал Виктора – приятеля Лии. Да с ней он к институту и прикатил: протянул руку, помог спуститься на мостовую, но не остался и после поцелуя в щёчку заскочил обратно и отправился куда-то дальше.

Я помахал рукой.

– Лия!

– Петя, привет! – обрадовалась мне бывшая одноклассница. – Я Льва на кафедре видела, а с тобой разминулась!

– Да я туда на пять минут только забежал. Ты чего дрожишь?

– З-замёрзла, – призналась девчонка. – Мы на коньках с Витей катались.

– Мало вам гололёда! – фыркнул я. – Пойдём, горячим чаем напою, а то разболеешься!

Где тут у вас «Под пальмой»?

– Да вот же! – указала Лия через дорогу, и точно – на соседнем доме фонари подсвечивали вывеску с экзотическим растением.

Вот туда мы и двинулись. В кафе оказалось шумно и людно, а в центре зала росла самая настоящая пальма в пару человеческих ростов высотой. Вот уж чего не ожидал, того не ожидал!

Проходить за стол Лия отказалась наотрез, и я помахал рукой Карлу, а сам отвёл девушку к бару, убрал её пальто на вешалку, туда же повесил и свой плащ, вещмешок кинул на пол. Помимо чая заказал две порции бренди, и Лия замотала головой.

– Нет-нет! Мне не надо!

Я только рассмеялся.

– Смотри и учись!

Когда буфетчик выставил стаканы и рюмки, я отпил чая и долил в него бренди. Лия засомневалась, но всё же последовала моему примеру, только едва-едва плеснула, исключительно для вкуса и аромата. Но и так после первого же глотка её щёки порозовели, от улыбки на них залегли милые ямочки.

– Ты меня просто спас, Петя! Теперь бы только к алкоголю не пристраститься!

– Брось!

Я влил в себя остатки её порции, шумно выдохнул и запил чаем, решив обойтись сегодня без пива. Вот бренди – это дело. Рюмку замахнул, и мигом голова болеть перестала.

Красота, да и только!

– А ты какие предметы выбрал? – спросила Лия, обхватив тоненькими пальчиками горячее стекло гранёного стакана.

Я достал список, и оказалось, что наши расписания в некоторые дни пересекаются, договорились садиться вместе. Затем Лия допила чай и начала собираться.

– Ненавижу холод, – пожаловалась она.

– Попробуй освоить технику алхимической печи, – посоветовал я. – Прогревает не хуже бренди.

– Хорошо, спрошу методичку в библиотеке, – сказала Лия, а когда помог ей надеть пальто, чмокнула меня в щёку и ушла.

Я у стойки задерживаться не стал, расплатился и пересел за стол к Николаю, Яну, Карлу и прочим знакомым, смутно знакомым и совсем незнакомым студентам; точнее даже не за стол, а за два стола, придвинутых друг к другу. Подошедший официант принял заказ, и вскоре вернулся с кружками пива, ну а мне вновь принёс чай и рюмку бренди.

– И как тебе в институте? – полюбопытствовал Ян.

– Здорово! – признался я. – Лучше, чем на курсах.

– Брось, Пьер! – махнул рукой Карл. – Видели мы, как ты лихо сослуживца из круга выбил! Нас такому не учат.

– Так и нас энергетические конструкции составлять не обучают.

– Серьёзное конструирование только с третьего курса начинается, – с печальным вздохом заявил Коля, и все кругом согласно закивали.

Мы чокнулись и выпили, тогда я спросил Карла:

– Так понял, Нинка себе кого-то уже нашла?

– Угу, – нехотя подтвердил тот. – Разобиделась она на тебя крепко, дружище.

– Бывает, – беспечно улыбнулся я, заметил у бара бугристую физиономию крепыша, который пытался без очереди пролезть в лифт, огляделся и обнаружил за столом в дальнем углу Северянина со товарищи.

Карл проследил за моим взглядом и сказал:

– Ты с ним осторожней. Злопамятный гадёныш. Эталонный урод просто.

Ян кивнул.

– Напакостить запросто может.

– А из-за чего сыр-бор? – полюбопытствовал Коля. – Говорят, ты Панкрата уронил?

– Панкрат – это который у буфета сейчас стоит?

– Нет, это Слава-Бугор. Панкрат маленький и вертлявый такой. Кличка у него Заноза.

– Его уронил, ага.

Я рассказал о стычке в уборной, и мы заказали ещё пива. Меня, как и следовало ожидать, расспросили о Льве, а потом Карл приложился к запотевшей кружке и вдруг поперхнулся.

– Эти-то что здесь забыли? – проворчал он, вытирая губы носовым платком.

Как оказалось, в кафе пожаловала компания монархистов. Было их человек десять, в том числе и мои знакомые. Я начал закипать.

Ну вот что такое?! Нигде от контры покоя нет!

– Часто сюда заходят? – спросил я, хрустнув костяшками пальцев.

– Вообще не заходят, – пробурчал Карл. – Первый раз припёрлись.

– Предлагаю их выставить! – решительно заявил Николай. – Кто за?

– Все за, – вздохнул незнакомый студент, сидевший напротив. – А вот платить за поломанную мебель и выбитые стёкла желающих никогда не бывает.

Как видно, это был намёк на какой-то конкретный случай, и запал у компании моментально угас. Да я и сам уже успокоился, лишь спросил:

– А чего их в институт пускают? У них же своё общество.

– Платят за обучение, вот и пускают, – со вздохом пояснил Костя – худенький парнишка, который в зале колотил груши так, что аж пыль летела. – Всё продаётся и покупается. Миром правит золотой телец.

Разговор сам собой перешёл на пороки капиталистического строя, и я лишь изредка вставлял какие-то реплики, а сам приглядывался к монархистам и обкатывал в голове остроумные реплики, которыми мог бы срезать рыхлого Романа. Понимаю – после драки кулаками не машут, только подозреваю, они меня теперь каждое дежурство доставать станут. Так что приглядывался, подмечал нюансы поведения, заодно и слова Карла о неоднородности этого

так называемого дворянского общества припомнил. Всё так, даже в этой компании вроде бы хороших знакомых кто-то был на вторых ролях, не сказать – на побегушках.

Попутно я пил чай с бренди и в какой-то момент поймал себя на мысли, что блондиночка Настя вполне ничего себе, а Юлия Сергеевна и вовсе могла бы считаться красоткой, кабы не делавшая её лицо слишком уж вытянутым нижняя челюсть. И ещё показалось досадным то обстоятельство, что не удаётся толком разглядеть их сидевших ко мне спиной подружек.

Звоночек это был на редкость тревожный, и я засобиравшись, заодно решили сворачиваться и остальные. Пока допили пиво, пока скинулись и оплатили счёт, начали расходиться и монархисты. Бренди привёл меня в благодушное расположение духа, дратья и скандалить расхотелось, поэтому я намеренно задержался в уборной. Умылся, причесался, поглядел на своё отражение и остался увиденным целиком и полностью доволен.

Ну а чего нет? Красавчик же!

Окликнули меня, когда снимал с вешалки плащ.

– И как простой мотоциклист сумел поступить в институт?

Голос с характерным тягучим акцентом и милой манерой слегка проглатывать окончания слов оказался прекрасно знаком, поэтому я несколько не удивился, когда обернулся и обнаружил облокотившуюся на барную стойку Юлию Сергеевну. А вот что удивило – так это отсутствие её друзей и подружек.

– Не имей сто рублей... – проворчал я, намеренно не став завершать поговорку.

– Связи – большое дело, – на полном серьёзе произнесла барышня и вдруг протянула руку. – Юля.

– Пётр, – представился я, машинально пожав кончики девичьих пальцев. Сразу пожалел об этом и буркнул: – До свидания, Юлия Сергеевна.

Не тут-то было.

– Будь так любезен...

Я снял с вешалки каракулеву шубку и помог девушке её надеть. Сам не заметил даже, как Юлия ухватила под руку – вышли на крыльцо, будто парочка. И отшить настырную барышню тоже не успел: она поскользнулась, испуганно ойкнула и повисла на мне, едва не завалив вместе с собой.

– Ужасный гололёд! – пожаловалась Юля. – Проводишь? Боюсь, мои туфли не рассчитаны на такую погоду.

Нужно было посоветовать поймать извозчика. Проклятье! Я ведь так и намеревался поступить, поскольку ситуация была ясна как божий день. Ну а затем подумал: какого чёрта?! Кто предупреждён, тот вооружён! В другой раз монархисты вполне могут застать врасплох, а сегодня такой номер у них точно не пройдёт.

И я сказал:

– Веди!

– Тут недалеко, – уверила меня Юлия и ободряюще улыбнулась.

Думал, заведёт в первую попавшуюся подворотню, но мы минут пять удалялись от института по оживлённой улице с многочисленными кафе и закусочными. Время было не самое позднее, то и дело навстречу попадались прохожие, курили у питейных заведений компании молодёжи.

Брусчатку покрывала настоящая корка наледи, скользили мы просто беспрестанно, и очень скоро мне всё просто осточертело, захотелось послать и Юлю, и её слишком уж осторожных дружочков куда подальше и двинуться напрямиком к трамвайной остановке, да тут пришло время сворачивать на перекрёстке. Фонари остались за спиной и резко стемнело, но совсем уж глухой улочка не была, таковой она сделалась лишь после поворота вглубь квартала. Впрочем, перебежавшую дорогу чёрную кошку мы разглядели даже впотьмах.

– Этого ещё не хватало! – расстроилась Юлия, остановилась сама и удержала на месте меня. – Давай обойдём!

– Ну нельзя же быть такой суеверной! – фыркнул я.

– Нет, пойдём!

Я не сдвинулся с места и привёл известный факт:

– В Айле считается, что чёрный кот приносит удачу.

– Но мы-то не в Айле! – резонно возразила Юлия, встрепенулась и повисла на мне чуть ли не всем весом. – Кто-то идёт!

Я приготовился стряхнуть её и спустил с поводка дар ясновиденья, но – ничего. Уловил сверхъестественным чутьём едва уловимое искажение энергетического фона, создаваемое спутницей, да ещё в соседних домах жило никак не меньше дюжины операторов, а вот нагнали нас обычные люди. Теперь я и сам слышал их быстрые шаги.

Неужто монархисты подкупили каких-то забулдыг?

Повисшая на плече девушка лишила подвижности, и я потребовал:

– Отпусти!

Та, к моему величайшему удивлению, и не вздумала упрямитесь, ещё и вещевой мешок ей в руки сунул, а секунду спустя из-за угла вывернула спешившая за нами парочка. Толком разглядеть их впотымах не получилось: брюки, пиджаки, кепки – вот, собственно, и всё.

Они определённо не ожидали настигнуть нас так быстро, и один растерялся, а вот второй как ни в чём не бывало вытянул заложенную за ухо папиросу.

– Огоньку бы! – сказал он, поднося руку ко рту.

Я такого захода не ожидал, поэтому и не успел среагировать, когда резкий выдох отправил мне в лицо содержимое бумажной гильзы. В глаза словно жидкого огня плеснули, и перепадом давления облачко едкой трухи я отнёс от себя совершенно инстинктивно; просто сработали рефлексы.

Наградой стали всхлип и надсадный кашель хватанувшего этой дряни противника, а дальше пронзительно завизжала Юля, и я пнул вслепую, попал во что-то мягкое и сразу отскочил назад, вскидывая в защитной стойке руки. Попутно сотворил плоскость давления, отгородился ею, и тут же свистнул воздух, шибанула по прикрывавшему голову предплечью палка. На мою удачу, удар оказался ослаблен достаточно, чтобы не перебить кость, а следующий удалось принять, задействовав технику закрытой руки. Дубинка треснула и переломилась надвое, мне – хоть бы хны.

Невероятным усилием воли я заставил себя распахнуть горевшие огнём глаза и через заливавшие их слёзы разглядел два смутных силуэта – вроде бы мужской и женский. Юля шибанула хулигану по спине моим мешком, и он отвлёкся, подставился под прямой в голову. Я врезал правой, метя в белое пятно лица, и под кулаком что-то хрустнуло. Противник упал к своему корчившемуся в приступе кашля приятелю, а только добавил ногой, и Юля взвизгнула:

– Бежим! – И потянула меня прочь.

Из-за нестерпимого жжения в глазах и слёз ничего толком не видел, поэтому упрямитесь не стал. В противном случае девица вполне могла удрать одна, а без поводыря мне было сейчас никак не обойтись.

Да и что ещё оставалось? Задержаться для оформления этих гавриков? Так они очухаются и наваляют по первое число ещё до приезда патруля. Долбануть сверхсилой, чтоб уж наверняка? И как потом без свидетелей доказать, что они первые начали? Да и алкоголем от меня разит, ну его к лешему!

И мы побежали. Поворачивали, поскользнулись, раз даже упали. А через пару минут Юля подтащила меня к колонке и навалилась на рычаг. Я подставил ладони под тугую струю ледяной воды и принялся промывать глаза, отфыркиваться и отплёвываться. Понемногу полегчало.

– И что это было? – спросила барышня.

– Красный перец с табаком, похоже, намешали, – не слишком уверенно предположил я и спросил: – Ты как?

– Ногу подвернула, – пожаловалась Юля. – Не сильно, но наступать больно.

Пришлось помогать, благо оставалось пройти через арку во двор и подняться по лестнице чёрного хода на второй этаж. Там барышня начала рыться в сумочке, выискивая ключи, а я с непонятной отстранённостью стал прикидывать, не обернётся ли попытка напроситься на чай пощёчиной и нужно ли мне это вообще. Не пощёчина конечно же. И даже не чай.

Но проявлять инициативу и не пришлось, всё разрешилось само собой.

– Заходи! – позвала меня за собой Юлия, справившись с замком. – Надо посмотреть, что у тебя с глазами.

Глаза у меня опухли и продолжали слезиться, но бдительности я не потерял и моментально заподозрил, что схлестнуться мог с самыми обычными хулиганами, а интрига монархистов куда как изощрённей. Зайду – и кто знает, чем это в итоге обернётся?

Паранойя? Вот уж не сказал бы. Трудно подвох в столь неправдоподобной и даже попросту абсурдной ситуации не заподозрить. Кто Юлия Сергеевна и кто я? Да нам при случайной встрече на разные стороны улицы расходиться стоит, а тут – такое...

Стоило бы попрощаться и уйти, а я с беспечной улыбкой шагнул через порог.

Один раз живём? Ну-ну...

Глава 2

В квартире оказалось темно и тихо. Первым делом Юля щёлкнула выключателем, и когда под потолком загорелась не слишком яркая лампочка, стало видно, что чёрный ход привёл нас на крохотную кухоньку. Стол, пара табуретов, буфет, раковина и плита. Не слишком роскошно, вот только отдельная квартира – это большое дело уже само по себе.

– Разувайся! – распорядилась Юля, скинула туфельки и, слегка припадая на правую ногу, скрылась в коридоре.

Я миг постоял, прислушиваясь к скрипу половиц, потом оставил на коврике под дверью полуботинки, снял плащ и кинул его на табурет, сам уселся на соседний. Барышня вернулась на кухню уже в платье, первым делом она задёрнула шторы, после набрала в миску холодной воды, взяла чистую тряпицу и подступила ко мне вплотную.

– Голову запрокинь! – попросила Юлия.

Послушался, и перед лицом замаячила обтянутая платьем девичья грудь, донёсся лёгкий аромат цветочных духов.

– Всё лучше, чем я думала! – произнесла барышня, начав промывать мне глаза, тогда я обнял её левой рукой за талию и притянул к себе, а правую запустил под платье. Ладонь скользнула по гладкому шёлку чулка к тёплой коже бедра, и Юля резко отстранилась.

Запросто мог удержать её, но не стал. Ожидал схлопотать по морде, а дворяночка лишь возмущённо выдохнула:

– Ну ты и нахал! – Она поставила миску на стол, шагнула в коридор и уже в дверях обернулась. – Долго сидеть собираешься?

Вариантов было два: встать и уйти либо последовать за ней, предпочёл испытать удачу. Юля тому обстоятельству, что я зашёл за ней в комнату, ничуть не удивилась, повернулась спиной и попросила:

– Расстегни.

«Ну вот сейчас меня и возьмут под белы ручки», – мелькнул и тут же погас последний проблеск разума, а потом в висках застучала кровь, и возиться с пуговками я не стал, толкнул Юлию Сергеевну на кровать, задрал подол платья и навалился сверху. Барышня со смехом и наигранным возмущением задёргалась, но извернуться ей так и не удалось, и всё получилось, как получилось, – сумбурно и скомканно, под стать всему сегодняшнему дню.

Потом мы лежали и пытались унять сбившееся дыхание; я так уж точно. Наконец Юля потребовала:

– Слезь с меня!

Я перевалился на кровать, а барышня безо всякой посторонней помощи расстегнула платье, стянула его через голову и пожаловалась:

– Ну вот – теперь в чистку отдавать!

Она осталась лишь в бюстгальтере и чулках, и открывшийся вид увлёк меня до такой степени, что далеко не сразу осознал крайнюю опрометчивость своей несдержанности.

– Кхм... – прочистил я горло. – А как у тебя с этими вашими женскими практиками? Незапланированная беременность не грозит?

– Поздно спохватился! – фыркнула Юля, перехватила мой заинтересованный взгляд и самую малость покраснела, прикрылась снятым платьем. – Не случится, не бойся. Или надеялся с дворянской фамилией породниться?

– Ещё чего не хватало! – оскорблённо выдал я в ответ, снял штаны, расправил их и аккуратно повесил на спинку стула, сверху устроил пиджак.

– Эй! – всполошилась барышня. – Ты чего разнагишаешься?!

Меньше всего мне хотелось выходить на холод и тащиться через полгорода в казарму, поэтому лишь пожал плечами.

– Неужели на ночь не приютишь?

Юлия Сергеевна уселась на кровать, подтянула к себе одеяло, прикрыв наготу, и заявила:

– Я тут вообще-то не одна живу! – Но сразу сменила гнев на милость и принялась под отрывистый треск пружины заводить будильник. – Чёрт с тобой, оставайся. Настюша в любом случае только под утро заявится.

– А что так?

– Рома сегодня во все тяжкие ударился, их квартира в полном распоряжении Анатоля, – пояснила Юля, отвернувшись и завела руки за спину, намереваясь расстегнуть бюстгальтер. – Свет выключи. И на кухне тоже!

Я щёлкнул одним выключателем, затем другим, в полной темноте вернулся в комнату и забрался под одеяло к отвернувшейся от меня девушке.

– Спи! – буркнула Юля, стоило только дать волю рукам.

– Ага, – покладисто согласился я и прижался к ней поплотнее.

Уснули мы нескоро. Так получилось.

Подскочил из-за оглушительного трезвона будильника. Спросонья не сразу понял где, почему и с кем, а когда сознание прояснилось, испытал в высшей степени смешанные чувства. Вечер определённо удался, но вот думал я вчера определённо не тем местом, коим это следует делать разумному молодому человеку, и было совершенно непонятно, какими моя опрометчивость чревата последствиями. Если эта странная барышня вознамерится перевести ни к чему не обязывающую интрижку во что-то большее с отношениями и обязательствами...

Брр! От одной только мысли об этом передёрнуло.

Юля хлопнула ладонью по будильнику, и железное чудовище наконец-то заткнулось, тогда я уточнил:

– Сколько времени?

– Пя-я-а-ать... – с зевком ответила девушка и потянулась под одеялом. – Собирайся, скоро пожалует гулёна Настюша. Если она тебя тут застанет, разразится гра-а-андиозный скандал.

С одной стороны, я испытал облегчение, что не придётся ничего выдумывать и сбегать, похватав одежду в охапку, с другой – ощутил совершенно иррациональную обиду из-за уязвлённого самолюбия. Именно поэтому перевернулся на бок и спросил:

– Ну и к чему это всё было? Только не заливай, будто вдруг вспылала ко мне внезапной страстью. Я нравлюсь тебе ничуть не больше, чем ты мне!

Юля уставилась на меня своими пронзительно-синими, васильковыми даже, глазами и с улыбкой поинтересовалась:

– Я совсем-совсем тебе не нравлюсь?

Ответил я не сразу. Пусть её вытянутое лицо и не соответствовало моим идеалам красоты, но фигура была на загляденье, ноги стройными, а упругая грудь – идеальной формы – да и мне ли привередничать?! – но вопрос-то был совсем о другом, и я сказал:

– У тебя очаровательный акцент. Если закрыть глаза...

– Подлец!

Юля попыталась спихнуть меня с кровати, но ничуть в этом не преуспела, и после недолгой возни я оказался на ней, на ней следующие десять минут и пробыл. Потом отвалился в сторону и с шумом перевёл дух.

– Уф!

– В жизни такого наглеца не встречала! – с притворной обидой в голосе посетовала барышня.

– Брось! Как минимум один такой до меня тебе уже попадался.

– Фи! – скривилась Юля. – Будь любезен воздержаться от скабрзностей. И выметайся уже!

Я уселся на кровати и невольно поморщился из-за давящей головной боли. Ещё сильно саднило исцарапанную спину и болело левое предплечье; его отмечал длинный иссиня-чёрный синяк. А вот глаза уже не жгло, что откровенно порадовало.

– Душ есть у вас?

– Только ванна.

– Дикае люди, – проворчал я, встал и двинулся к тёмному проёму двери.

– Дверь напротив! – подсказала Юля и потребовала: – Прикройся!

Я только рукой махнул, пытаюсь сориентироваться в погружённой в темноту квартире. Слева кухня, справа гостиная и прихожая. Чуть дальше – закрытая дверь второй комнаты, напротив небольшая ванная. Там я первым делом напился из-под крана, потом умылся и кое-как сполоснулся холодной водой.

Когда вернулся, Юля уже надела халат и включила ночник.

– Давай живее! – потребовала она и вновь зевнула. – Спа-а-ать хочу!

Медлить я не стал, натянул трусы, надел носки и брюки, потом сорочку. Морщась от жжения в спине, закинул подтяжки сначала на левое плечо, затем на правое и принялся застёгиваться и заправляться.

– Одного понять не могу: чего ты вчера мешком махать начала? Ты же оператор!

– Толку в драке от оператора первого витка! – фыркнула в ответ Юля.

– Даже так? И какой румб?

– Румб хороший – семнадцатый. Это виток подкачал.

– Бывает.

– Но учти, Пётр: поквитаться мне силёнок хватит, если языком трепать начнёшь! – пригрозила вдруг барышня.

Я не без труда подавил пренебрежительную усмешку и даже провёл большим пальцем по губам, словно запирал их на молнию, а вот придумать достойный ответ уже не успел, поскольку из коридора донёлся отчётливый металлический скрежет. Сердце так и ёкнуло.

– Быстрее! – прошипела Юля. – Выметайся!

Вслед за скрежетом звякнул дверной звонок, и я опрометью выскочил из комнаты, метнулся на кухню, схватил вещмешок, кепку и плащ, а уже когда вталкивал ступни в полуботинки, услышал преувеличенно сонный голос Юли:

– Да иду я! Иду!

На лестницу чёрного хода выскользнул, готовый к чему угодно, но площадка пустовала. Притворил за собой дверь, спустился во двор и уже там оделся, потом напился у колонки, а у первого попавшегося фонаря проверил содержимое карманов и часы. Всё оказалось на месте, ничего нового не прибавилось.

И кто бы мне сказал, что всё это значит?

О-хо-хо...

В клинику ко Льву я отправился пешком – пока шёл, избавился от потенциала в противофазе и набрал под четыре сотни килоджоулей уже обычной сверхэнергии. Решил не повторять вчерашней ошибки, ибо негативу с ясновиденьем, пусть даже и зачаточным, находиться среди обычных операторов не слишком-то приятно, а у меня и без того голова с похмелья побаливала.

Примерно на полпути меня нагнал трамвай, на нём и доехал. Будить товарища в такую рань не стал, уселся на кушетку в приёмном покое и принялся медитировать, пытаюсь подстег-

нуть регенерационные процессы, но в итоге почти сразу уснул. Так и дрых, пока не растолкала Милена.

Барышня глянула с нескрываемым осуждением, но от комментариев воздержалась и предложила присоединиться ко Льву за завтраком, и вот уже он довольно бестактно заметил:

– Какой-то ты растрёпанный сегодня, Петя. Плохо спал?

– Спал хорошо, – вздохнул я, – просто мало.

Лев глянул с интересом в ожидании продолжения, но меня слишком увлекли гренки и кофе, а с набитым ртом говорить не хотелось. К тому же, если выбросить постельные достижения, о которых распространяться точно не стоило, рассказывать было в общем-то и не о чем.

– Как с Палинским вчера пообщался? – спросил я, предпочтя перевести разговор на другую тему.

– Более-менее, – уклончиво ответил Лев и ушёл собираться.

Наши сегодняшние расписания не пересекались, распрощались на вахте.

– Если что – обращайся, – предупредил я, на том мы и разошлись.

Лев отправился в лабораторный корпус, а я проигнорировал гардероб и двинулся к служебному входу. Там на вахте наткнулся на отчаянно зевавшего Митю Жёлудя и оставил плащ с вещевым мешком, на занятия с собой взял только карандаши и пару тетрадей.

Первой парой у меня стояло введение в право, и на всём протяжении лекции я отчаянно боролся с сонливостью, периодически клевал носом и прилагал невообразимые усилия, лишь бы только удержать глаза открытыми. Всё бы ничего, вот только от лектора это не укрылось, и что самое паршивое – он меня прекрасно знал.

Занятие вёл Илларион Валерианович Спас, старший советник надзорного дивизиона и ко всему прочему – магистр юриспруденции.

По окончании лекции я перехватил выразительный взгляд Иллариона Валериановича и расценил его совершенно верно, задержался у дверей аудитории.

– Лекция показалась столь скучной, что было сложно удержаться от зевоты? – спросил старший советник, проходя мимо.

– Никак нет! – заявил я и поспешил за ним. – Просто не выспался. Такого больше не повторится!

– Уж потрудитесь, – заявил Илларион Валерианович. – Иначе ваше присутствие на моих занятиях станет нежелательным. Это ясно?

– Так точно!

– Очень хорошо.

Старший советник ушёл, а я с облегчением перевёл дух и отправился в буфет, но там царило столпотворение, напился воды у фонтанчика, да и только. Ещё перекинулся парой слов с Карлом и заметил Мишу Поповича – тот увлечённо беседовал с преподавателем, читавшим нам общую теорию сверхэнергии, мешать им не стал. Отправился в лабораторный корпус.

На этот раз пришлось подниматься на третий этаж – именно там располагались кабинеты местного руководства. У заведующего первой лабораторией и его заместителя оказалась одна приёмная на двоих, вот в ней и расположился, сдав документы эффектной девице лет двадцати в нарядном платье с весьма смелым по институтским меркам вырезом декольте и очень уж броским макияжем.

Секретарша без промедления занесла бумаги в кабинет заместителя и тут же обо мне позабыла. Сначала разбирала корреспонденцию, затем сделала два телефонных звонка, а после увлеклась беседой с заглянувшей в приёмную лаборанткой. Эта барышня поначалу не произвела на меня особого впечатления, но когда перегнулась через стол, дабы пошептаться с секретаршей, и задравшийся белый халатик приоткрыл подвязки чулок, я враз перестал сожалеть о впуску растрчиваемом тут времени.

– Да нет же! – произнесла секретарша, картинно закатив подведённые глазки. – Приказа ещё не было, но вопрос о назначении уже решён. Мне Иришка по секрету шепнула, что его на подпись самому принесли.

– Он и вправду пять лет в Айле прожил?

– Три.

– Симпатичный? – уточнила лаборантка и тут же прыснула от смеха, прикрыв рот ладошкой. – То-то ты принарядилась!

Задрезжал телефонный аппарат, секретарша сняла трубку и указала мне на дверь.

– Проходи.

В кабинете за погребённым под бумагами рабочим столом восседал грузный господин с глубокой залысиной и покрытым испариной лицом. Вид он имел нездоровый – то ли вправду был болен, то ли неважно себя чувствовал из-за жары. Не иначе были на полную открыты вентили батарей центрального отопления, и я порадовался, что оставил плащ в приёмной, ну а затем меня огорошили неожиданным вопросом:

– Ну и чего вы, собственно, от нас хотите, молодой человек?

Я несколько даже потерялся, но тут же взял себя в руки и заявил:

– Выйти на пик витка.

– С тридцать второго румба? – скептически хмыкнул заместитель заведующего. – Устремление, достойное уважения. – Он посмотрел на мои документы, вздохнул и объявил: – Для начала придётся пройти полное медицинское обследование, что само по себе небыстро и недёшево...

– Извините, но заключение уже есть.

– Да неужели? – Хозяин кабинета промокнул лицо носовым платком и принялся заново перебирать мои бумаги. – И в самом деле! – заявил он некоторое время спустя с нескрываемым удивлением. – О, да вам и схему воздействия вплоть до отдельных фаз расписали! Что ж – это всё предельно упрощает. Предварительный анализ – наше слабое место, на месяц вперёд очередь расписана, а вот на терапию можете хоть завтра приходить.

Заместитель заведующего достал из ящика стола счёты и принялся быстро перекидывать туда-сюда костяшки.

– Текущая длительность резонанса тридцать две секунды, пик витка – сорок шесть. Потенциал роста – четырнадцать. Применим схему четыре-четыре-четыре-два, чтобы за месяц вывести на пик румба. Заявленной сопротивляемости в семьдесят один процент хватит с лихвой, риск побочных эффектов минимален, нагрузка на энергетические каналы с учётом их стабилизации умеренная.

Я мало что понял из всего этого бормотания, да оно и не предназначалось для моих ушей. Далее последовал чёткий и понятный вердикт:

– Итого четырнадцать процедур с щадящим медикаментозным воздействием по двадцать пять рублей каждая – это триста пятьдесят рублей, включая все налоги и сборы.

Наверное, у меня что-то изменилось в лице, а быть может, все студенты реагировали примерно одинаково, поскольку хозяин кабинета добавил:

– Фактически на текущем этапе у вас нет нужды подстёгивать процесс развития способностей терапевтически. Большинство операторов при должном усердии способно достичь пика румба самостоятельно. В вашем случае на это уйдёт не более пяти-шести месяцев.

Я хекнул, прочищая горло, и уточнил:

– А эти процедуры платные только для вольных слушателей или вообще для всех?

– Абсолютно для всех. Но студентам достаточно подписать отложенное обязательство, а вот в вашем случае это невозможно.

«Долговая кабала», – мелькнуло в голове, но озвучивать эту мысль не стал. Я бы с радостью согласился на любые обязательства, лишь бы только прыгнуть выше головы и пробиться через заложенный при инициации барьер, только вот для меня этот путь был закрыт.

Проклятье! Как бы сейчасгодились деньги, растраченные в декабре на сущую ерунду!

Во рту стало кисло, заныло сердце.

– Пик румба – это лишь начало, – сказал я, собравшись с мыслями. – Моя цель – пик витка. Сколько на это придётся потратить времени и... денег?

Заместитель заведующего первой лабораторией смерил меня оценивающим взглядом и вновь обратился к счётам, принялся под стук костяшек комментировать свои вычисления.

– Пик девятого витка – восемьдесят три секунды. Разница с пиком румба – тридцать семь. Основной прирост отдачи в конце, с такой сопротивляемостью оптимальная схема тринадцать-тринадцать-одиннадцать, но разгон придётся давать с самого начала. Это даёт дополнительный сеанс в неделю. Стоимость увеличится до четырёхсот пятидесяти рублей.

Я приободрился было, услышав не столь уж и кошмарную сумму, вот только подсчёты касались выхода на пик румба, а не витка.

– Второй этап будет состоять из двенадцати недель по четыре сеанса по пятьдесят рублей каждый. Итого две тысячи четыреста рублей.

Меня будто доской по лицу приложили. Хлоп! И в нокауте. Все надежды разом вышибло.

– Пятьдесят рублей сеанс? – пролепетал я срывающимся голосом.

– Ну а что вы хотели, молодой человек? Воздействие на организм второй категории – это не шутки! Тут и расход препаратов соответствующий, и передовые техники будут задействованы. На вас станет тратить своё время множество высококлассных специалистов, не говоря уже о необходимости поддерживающих организм процедур. Хотя... – Хозяин кабинета полистал медицинские заключения, похмыкал и сказал: – Судя по рекомендованной схеме, расход препаратов будет ниже обычного и в столь интенсивном компенсирующем воздействии тоже не возникнет нужды. По крайней мере, первые три месяца – точно. Вот что, молодой человек... Обождите в приёмной. Вас пригласят.

Я уже распахнул дверь, когда заместитель заведующего поднял трубку и попросил:

– Милочка, соедини меня со Звонарём. Да, безотлагательно.

На ватных ногах я вышел в прихожую и уселся на стул. Хотелось выть в голос, но переборол слабость, заставил себя выкинуть из головы все переживания, погрузился в транс. Тогда полегчало, и обратно в кабинет я вернулся уже без мыслей о мыле и верёвке.

– Значит, так! Я поговорил с доцентом Звонарём, у которого вы наблюдаетесь, – сразу взял быка за рога заместитель заведующего, – мы решили увеличить количество сеансов на втором этапе до пятидесяти, что позволит снизить затраты до сорока рублей на процедуру, а Макар Демидович пришлёт ходатайство о покрытии части расходов за счёт внутренних резервов лаборатории. Рассматривать его будет новый заведующий, но это обычная практика, согласование много времени, как правило, не занимает.

Я сглотнул и спросил:

– Сколько?

– Полная стоимость курса в этом случае составит тысячу восемьсот тридцать семь рублей пятьдесят копеек.

Надежду подстрелили на взлёте, будто выпорхнувшую из камышей утку.

– Нереально, – только и покачал я головой.

– Молодой человек... Пётр, – с сочувствием в голосе обратился ко мне хозяин кабинета, – вы же к нам не сами по себе пришли. За вас в том числе и работодатель ходатайствовал. Попросите руководство оформить гарантийное письмо на эту сумму. В конце концов, они прямо заинтересованы в росте ваших способностей.

– Спасибо. Попробую.

Не могу сказать, будто ощутил себя как после пропущенного прямого в голову, но в чём-то ощущения были схожи. Я бездумно вышел в приёмную, оделся и отправился в главный корпус. В себя пришёл лишь в буфете после двух стаканов газированной воды с сиропом. На этом я останавливаться не стал, купил плитку шоколада и в один присест её смолотил, тогда только худо-бедно заработала голова.

Чем впадать в панику, стоило поговорить с капитаном Городцом.

Да! Так и следовало поступить.

Я кивнул, соглашаясь с собственными мыслями, вытянул из жилетного кармана часы, откинул крышку и решил, что до следующей пары вполне успею посидеть в библиотеке. Туда и отправился, желая прояснить кое-какие моменты по вчерашней лекции общей теории сверхэнергии.

Последними на сегодня у меня были сдвоенные занятия по философии, вёл их импозантный – не сказать утончённый – господин средних лет, и лекцию он перемежал пространными отступлениями, поэтому в столовую я отправился не только в подавленном настроении, но ещё и с идущей кругом головой. А вот повстречавшийся там Миша Попович светился будто надраенный медный пятак.

– Переговорил с Сергеем Богдановичем, – заявил он, когда мы унесли подносы с тарелками к одному из столов, – договорился о посещении лекций по комбинаторике!

Сергеем Богдановичем звали лектора, читавшего нам общую теорию сверхэнергии, и я машинально кивнул.

– Здорово! – Отломил вилкой кусочек котлеты и уточнил: – Будешь энергетические конструкции создавать?

Миша помрачнел.

– Буду когда-нибудь, – буркнул он. – Комбинаторика изучает принципы сочетания разных типов энергии. Ну как мы с помощью давления и электричества плазму получаем.

– А, понял! Круто.

– Ты тоже можешь попробовать договориться.

Я покачал головой.

– Не, расписание под завязку забито. И никакие предметы не выкинуть – мне учебный план комиссар согласовал.

– Беда, – посочувствовал Миша и спросил: – А что за паренёк слепой, с которым ты общаешься?

– Одноклассник бывший.

Попович покрутил ладонью.

– Он всегда такой был?

– Нет, последствия инициации, – сообщил я и занялся едой.

После обеда в читальный зал я уже не пошёл, спустился на вахту и проформы ради позвонил Альберту Павловичу, чтобы совершенно неожиданно для себя услышать:

– Завтра после третьей пары сходи в столовую горбольницы. Там дождись Валентину Паль, перекинься на виду у всех с ней парой слов. Только учти: встреча должна выглядеть случайной. Потом загляни ко мне на инструктаж.

Поговорить с Валеи?!

Я так удивился, что даже ничего выяснять по телефону не стал, коротко выдал:

– Сделаю. – И повесил трубку.

И кто бы мне объяснил, что всё это значит? Нет, я знал, что Альберт Павлович вывел медсестру из-под удара, выставив жертвой шантажа, но мне-то зачем с ней встречаться? Нелепица какая-то!

Прихватив плащ и вещмешок, я вышел на улицу и с невероятным облегчением набрал полную грудь морозного воздуха. Пусть сегодня ясновиденье и не забивало в темечко незримые гвозди, а внутренний потенциал не требовал беспрестанного контроля, но лёгкое похмелье и бессонная ночь сказались на самочувствии не лучшим образом, да ещё выпавший с утра снежок уже успели притоптать, поэтому отправился в учебный центр ОНКОР пешком. По пути обдумывал поручение куратора, но информации категорически не хватало, плюнул и заглянул в лавку с письменными принадлежностями, купил записную книжку, чья обложка служила одновременно ещё и футляром для короткого карандаша; будет куда телефонные номера и адреса заносить.

Пришёл в учебный центр на четверть часа раньше, да только в кабинете Ноготка уже заполняли бумаги четверо курсантов. Все в штатском, все старше: трое заметно, один – самое большее на год.

– Заходи! – поманил меня Денис Гаврилович и вручил стопочку документов, где среди памяток и распорядков обнаружилось и традиционное обязательство о неразглашении.

Заведующий прочистил горло и объявил уже всем:

– Помимо всего прочего, вам категорически запрещено распространяться о прохождении обучения и сокурсниках. Всё, что узнаете и увидите в учебном центре, не предназначено для посторонних ушей. Отношение к контрольно-ревизионному дивизиону в других подразделениях неоднозначное, излишняя болтливость неминуемо осложнит вам следующие полгода службы.

На этом вступительная речь и закончилась, нашу пятёрку отправили в учебную комнату. На первом уроке Денис Гаврилович втолковывал принципы организации наружного наблюдения и способы выявления оно́го, а в качестве домашнего задания поручил при передвижениях по городу выбирать какой-либо предмет одежды и запоминать, сколько прохожих попадёт на таком на пути. Потом он же давал технику ведения допросов, и вот там уже без практики не обошлось: нас разбили на пары и поручили обговорить, откуда мы знаем друг друга на случай встречи по службе или в свободное время, но при этом свести обмен личными сведениями к минимуму. И так – со всеми по кругу.

Вадим, Евгений, Кирилл, Елисей – имена сокурсников я запомнил, а вот их легенды пришлось на всякий случай законспектировать. Ну а дальше к нам присоединился господин в потёртом твидовом пиджаке с заплатками на локтях, столь же потрёпанных брюках и стоптанных туфлях. Да он и сам был какой-то побитый жизнью и невзрачный, с непримечательным лицом и тусклыми глазами.

Мои сокурсники с удивлением воззрились на незнакомца, а вот я мигом вскочил из-за парты и принял нечто близкое к стойке смирно. Нет, видел этого господина впервые, уважение вызвал удерживаемый тем потенциал – на уровне первого или второго разряда, но предельно стабильный, вызывающий минимальные энергетические возмущения. Приближения оператора я попросту не ощутил.

– Да уж... – промолвил тот, оглядев поднявшихся вслед за мной курсантов. – Материал... – Он выставил на парту потрёпанный кожаный портфель и разрешил: – Садитесь. – И сразу без какой-либо паузы начал вещать: – Основными отличительными признаками энергетических конструкций являются автономность, сложная структура, подразумевающая задействование различных типов энергии, и внешняя управляемость. Но главное – это автономность. По сути, два абсолютно идентичных воздействия могут различаться кардинально именно в силу наличия или отсутствия автономности.

Лектор развёл руки в стороны и повернул их ладонями вверх, над ними тотчас заискрились две шаровых молнии размерами с крупное яблоко.

– Одинаковые, не так ли?

Никто не ответил, тогда оператор опустил руки, и левый сгусток энергии метнулся в сторону и моментально погас, в то время как правый продолжил тихонько жужжать и слепить глаза холодным электрическим блеском.

– Под автономностью следует понимать независимость не столько от внешней подпитки, сколько от умственных усилий оператора. Да, человеческий мозг способен одновременно решать сразу несколько задач, но всему есть предел. При работе с энергетическими конструкциями основную сложность вызывает структурирование воздействия, а дальше всё упирается исключительно в мощность. Большую часть времени студенты тратят на освоение принципов придания конструкциям автономности с последующим управлением на интуитивном уровне и подпиткой в фоновом режиме. Мы пойдём по иному пути. – Лектор вздохнул и погасил шаровую молнию. – Меня зовут Герман Харитонович, моя задача – обучить вас упрощённым принципам создания энергетических конструкций. Кинетический щит, который вы не сможете изменять и подпитывать сверхсилой после создания, всё же лучше пули, которую схлопочете, пока будете осваивать полный академический курс. Итак, приступим!

Следующие сорок минут я конспектировал принципы управления и сочетания различных типов сверхэнергетического воздействия, заподозрил даже, что дают нам ту самую комбинаторику, о которой говорил Попович. Но только лишь теорией дело не ограничилось, после лекции мы спустились в подвал и под присмотром Германа Харитоновича приступили к попыткам создать кинетический щит в виде овала шириной полметра и высотой метр.

– Размеры – это важно! – заявил лектор. – Дело не только в расходе энергии, хотя это первое, что приходит на ум. Дело в затрачиваемом времени. Помимо того что преграда для снижения убойной силы пули нужна прямо сейчас, а не когда вы достаточно сосредоточитесь, дабы определиться с областью воздействия, следует разом вложить в экран всю отведённую на это сверхсилу. Не справитесь – придётся создавать дополнительные слои с соответствующим ростом потерь энергии в единицу времени. Работа со структурами, которые можно подпитывать, для вас недоступна даже на теоретическом уровне, не говоря уже о неизбежных сложностях с поддержанием энергетических связей. И поскольку вы вкладываетесь полным объёмом сверхсилы, следует заранее определиться с оптимальными габаритами экрана для прикрытия жизненно важных органов и чётко этих габаритов придерживаться. В таком случае позиционирование воздействия во многом приобретёт подсознательный механический характер. И на текущем этапе не пытайтесь создать полноценный щит, вкладывайте не больше пяти джоулей на квадратный сантиметр.

Двадцать пять килоджоулей – это пустяк, но на одном кратком выдохе размазать их по плоскости с габаритами полметра на метр оказалось не так уж и просто. Пусть меня и учили оперировать подобным образом с давлением, тут приходилось проделывать несравненно более кропотливую работу. От нас требовалось не только трансформировать сверхсилу в кинетическую энергию, но и придать ей вектор, противоположный теоретическому вектору пули, для максимального гашения её скорости.

Взмок, но так ничего и не вышло. Впрочем, не у меня одного.

– Упражняйтесь! – заявил Герман Харитонович, прежде чем нас покинуть. – К субботе жду от вас более внятных результатов.

Упражняться мы бросили сразу, как только за ним закрылась дверь. Попадали на лавки, принялись отдуваться.

– Внятных! – проворчал Вадим. – Студенты годами учатся, а нам за день освоить нужно!

Он махнул рукой и замолчал, тогда кто-то предложил устроить перекур, но ничего не вышло: за нами явился Денис Гаврилович. Как оказалось, пришло время идти в тир. Точнее, никуда идти не возникло нужды, просто перебрались в соседнее помещение.

– Не стоит недооценивать огнестрельное оружие, только лишь потому что умеете бить молниями. Огнестрельное оружие – это шанс выиграть на первых секундах столкновения.

Огнестрельное оружие – это ваше преимущество в несколько мегаджоулей, которые противник бросит на создание кинетического экрана. Огнестрельное оружие – это инициатива. Вы сможете одновременно стрелять и оперировать сверхэнергией или заставить уйти противника в оборону. Но для этого нужны навыки.

Следующие полчаса мы выхватывали незаряженные пистолеты, вскидывали их и убирали обратно. Затем наставник по стрелковой подготовке продемонстрировал стрельбу от бедра.

– В этом случае возникают сложности с прицеливанием и пули обычно уходят выше, но, если выбор в том, успеете вы сделать выстрел или нет, такие вот ковбойские штучки становятся вполне оправданными, – заявил он и отправил нас снаряжать магазины.

Стрелковая галерея была на двадцать пять метров, там висело сразу пять мишеней, поэтому стреляли все одновременно. Если б не танковый шлем, точно бы оглох, но и так в ушах звенело.

Сначала вели огонь прицельно, после отработывали стрельбу от бедра и новый приём, заключающийся в двух выстрелах за минимальный промежуток времени. Иногда наставник давал советы, поправлял стойки или хват, но результаты у меня были, прямо скажем, средние. Вернее – посредственные.

Ненавижу что-либо на время делать! Просто ненавижу!

Ладно хоть костюм на майку и трико догадался сменить, а то бы весь пороховой гарью провонял.

– Кирилл, Елисей, за мной, – распорядился по окончании занятия Денис Гаврилович. – Остальным надеть ватники.

Заведующий увёл сокурсников, а мы остались в распоряжении наставника по стрелковой подготовке.

– Будем развивать технику закрытой руки, – заявил тот и продемонстрировал револьвер образца девяносто пятого года. – Пули заменены каучуковыми элементами, навеска пороха снижена, самое большое – останутся синяки. – Он прицелился в стену, утопил спусковой крючок, и после не столь уж громкого выстрела по комнате заскакал чёрный шарик. – От вас требуется успеть сконцентрировать сверхэнергию в месте попадания. В этом случае ранения избежать не получится, но будет снижена глубина раневого канала, что позволит предотвратить поражение внутренних органов. Надевайте защитные маски!

Вадим неуверенно взвесил в руке маску, куда более солидную, нежели те, что используют фехтовальщики, и спросил:

– Вы серьёзно?

Наставник выстрелил ему в живот, и курсант со вскриком повалился на колени.

– Надевайте маски!

На этот раз глупых вопросов не последовало.

Не знаю, каким образом обучали технике закрытой руки остальных, а вот лично мне по сравнению с лупцеванием палкой или деревянным мечом выстрелы резиновыми пулями таким уж серьёзным испытанием не показались. Всё же ватники серьёзно смягчали удары, и на пол я после попаданий не валился.

Четверть часа наставник стрелял во всех по очереди и не менял точку прицеливания, давая подготовиться, затем начал выбирать жертву случайным образом, палить быстро и не слишком прицельно, но толстый слой ваты спасал и тут. Как он сказал, сейчас просто нарабатывалась рефлекторная связка «выстрел – отклик».

Дальше всех погнали на занятие рукопашным боем, а вот я отправился в душ. И это было просто здорово – сил не осталось вовсе, еле до трамвайной остановки добрёл. Ну и на вечерней тренировке в зале, разумеется, не блеснул.

– Линь! – даже возмущился Анатолий Аркадьевич. – Ты чего такой варёный? Только не говори, что в боксёрской секции из тебя вчера отбивную сделали!

– Не сделали, – ответил я. – Просто устал.

– Утомился, когда с тигрицей боролся, – пошутил Максим Бондарь, приметивший в раздевалке мою исцарапанную спину.

– А тебе завидно! – недобро глянул на него Матвей и предложил мне: – Поработаем в паре?

Я замотал головой.

– Не сегодня.

Ушёл к себе, подивился отсутствию Василя в столь поздний час, разделся и уснул ещё прежде, чем упал на кровать. Как укрывался одеялом – уже не помню.

На пятницу в моём расписании значились общая теория управления сверхэнергией, экономическая теория и риторика. Первую пару сидел дурак дураком в первом ряду, но тут уж ничего не попишешь – составил компанию Льву. Добросовестно конспектировал и следующую лекцию, немного расслабился только на теоретической части риторики. Увы, во второй части занятия слушателей разделили на группы и развели по разным аудиториям для проведения практикумов. Лектора сменила барышня лет двадцати двух, и я обрадовался было, да только отсидеться на задней парте не вышло и пришлось вслед за остальными представляться и рассказывать о себе. Не могу сказать, будто испытывал боязнь публичных выступлений – если уж на то пошло, обычно куда сложнее было завести разговор с незнакомым человеком с глазу на глаз, – просто не хотелось откровенничать, отбрехался кое-как, исключительно для галочки.

Ну а потом чуть ли не вприпрыжку рванул в столовую при госпитале, благо карта студенческого городка выветриться из памяти ещё не успела и среди учебных корпусов я не заплутал – короткая дорога оказалась действительно короткой, даже озябнуть без плаща не успел. Оттирать стенки в ожидании Вали не стал, вместо этого пристроился в хвост очереди на раздачу, взял первое, второе, булочку и два стакана компота, расплатился, недобрым словом помянув Альберта Павловича из-за непредвиденных и совершенно необязательных трат, и с подносом в руках отправился на поиски свободного стола.

Тут-то меня и окликнули. Нет, не Валя. Лизавета Наумовна.

– Петя! Присаживайся!

Я заколебался. В столовую меня привели дела, но и отказывать Лизавете несколько не хотелось, да и свободных столов не наблюдалось, так и так пришлось бы к кому-нибудь подсаживаться. Ну и какого чёрта?

– Здравствуйте, Лизавета... Наумовна, – добавил я к имени ещё и отчество по той простой причине, что одновременно со мной к столу подошёл светловолосый господин лет тридцати – привлекательной наружности, спортивный и подтянутый. В отличие от большинства посетителей, был он не в белом халате, а в костюме, пошитом точно на заказ и определённо не в Новинске. Попадалось на глаза что-то такое в модных журналах ЛиИ.

– Присаживайся, Петя, – с нажимом повторила Лизавета и представила нас друг другу: – Филипп – это Пётр, мой пациент и вольный слушатель. Пётр – это Филипп, мой коллега.

Серые глаза насмешливо сверкнули, и сразу вспомнилось её прежнее высказывание об отношениях с пациентами и коллегами, но я умудрился сохранить невозмутимое выражение лица, спокойно ответил на рукопожатие нового знакомого. Ладонь Филиппа оказалась жёсткой, а ещё от него донёсся лёгкий аромат одеколона, коим я в повседневной жизни пренебрегал. Быть может, зря?

– Ты здесь какими судьбами, Пётр? – полюбопытствовала Лизавета, которая уже пообедала и пила чай.

– По делам заскочил и решил перекусить, – ответил я и поспешил заняться борщом, дабы не возникло нужды поддерживать светскую беседу.

А вот Филипп был отнюдь не прочь почесать языком и болтал просто без умолку, адресуя свою речь конечно же не мне. Впрочем, когда уже под конец тарелки супа слух резанула фраза о левостороннем движении, я вскинулся так резко, что это незамеченным не осталось, и Лизавета пояснила:

– Филипп четыре года проработал в Айле.

– А! – протянул я, сообразив, с кем именно угораздило оказаться за одним столом.

Мне бы откланяться, но только-только приступил к плову. Положилась на волю случая и прогадал, Лизавета не преминула заметить:

– Сегодня Филиппа утвердили в должности заведующего первой лабораторией. Пётр, ты уже туда ходил? Сколько тебе насчитали за вывод на пик витка, если не секрет?

Я нехотя озвучил сумму, и Лизавета озадаченно приподняла брови.

– Ничего не путаешь? Меньше ста пятидесяти рублей за румб девятого витка – это очень мало.

– Мало? Мне эту сумму пару лет отрабатывать придётся!

– Мало, Пётр. Стандартный тариф – двести рублей.

Лизавета смотрела требовательно и строго, темнить не было никакого смысла, и я пояснил:

– По ходатайству за счёт лаборатории часть затрат должны закрыть.

Тут уж переменялся в лице Филипп.

– Я проводил аудит, у нас нет свободных фондов...

Окончание фразы повисло в воздухе столь явной недосказанностью, что я безо всякого труда продолжил её сам: «для всяких вольных слушателей». И ещё он наверняка подумал, что меня и представлять ему не стоило. Мол, много чести.

Лизавете отчего-то это заявление показалось забавным, и она покачала головой.

– Увы, Филипп, придётся изыскать внутренние резервы.

Тот нахмурился.

– Ты ставишь меня в неудобное положение!

Зря он это сказал: тон Лизаветы вмиг стал колюче-холодным и царапнул нервы неприятными интонациями.

– Я не имею обыкновения ставить тебя в неудобное положение!

Интонационные акценты оказались расставлены столь отчётливо, что Филипп даже самую малость покраснел.

– Я звал тебя с собой! Проклятье! Да я бы куда и не поехал, попроси ты остаться!

– В самом деле? – изогнула бровь Лизавета. – Но, как видишь, я не поставила тебя в неудобное положение!

Мне захотелось бросить недоеденный плов и сбежать, да только всё самое плохое уже случилось, и я уткнулся в тарелку.

– И в этот раз дело тоже не во мне, – продолжила Лизавета уже нормальным тоном. – Пётр, правильно понимаю, что за тебя ходатайствовал Макар Демидович?

Я кивнул, и вернувшись себе присутствие духа Филипп пренебрежительно фыркнул.

– Звонарь мне не начальник!

– Безумству храбрых...

Филипп уставился на собеседницу с откровенным недоумением.

– Ты серьёзно? Звонарь станет портить мне жизнь из-за такой ерунды? Он, конечно, мелочный, но не настолько же!

– О, дело не в том, что Петру посвящены два абзаца в диссертации Макара Демидовича, проблема, дорогой мой, в том, что он и без того уже настроен по отношению к тебе предвзято. Ты вернулся, и кого откомандировали тебе на смену?

– Кого-то из молодых. Андрея... как его там... Донца. А что?

– Последние три года этот молодой человек состоял ассистентом при Звонаре и выполнял для него всю грязную работу. Как думаешь, Макар Демидович сильно обрадовался потере помощника?

Известие о том, что Андрей Игоревич получил назначение в Айлу, стало полнейшей неожиданностью, мелькнула даже мысль о том, что это как-то связано с его вербовкой, в коей я принимал самое непосредственное участие. А ещё заподозрил, что заместитель заведующего позвонил доценту Звонарю на мой счёт вовсе неспроста. Вот же интриган какой!

Филипп помрачнел, и Лизавета соизволила его утешить:

– Не дуйся! А хочешь, я напишу ходатайство? Будешь оправдываться, что не смог устоять перед женскими чарами.

– Трус или подкаблучник – отличный выбор! – заявил в ответ Филипп, отпил чая и поморщился. – Гадость какая. Возьму кофе.

– Бери сразу кофейник, – попросила Лизавета. – Попьём у меня.

В этот момент от раздачи с подносом в руках отошла Валентина, и я привстал со стула, помахал ей рукой.

– Валя!

Филипп оглянулся, многозначительно хмыкнул и отправился к буфету. Лизавета тоже задерживаться за столом не стала, но, прежде чем отойти, негромко произнесла:

– Умненькая девочка. Не подпускай её слишком близко.

Она сухо кивнула в ответ на приветствие Валентины и ушла, а медсестра села напротив меня и принялась выставлять с подноса тарелки. Я, честно говоря, толком даже не знал, как себя с ней вести. С одной стороны, эта коварная красотка накормила меня химией, вполне отдавая себе отчёт, что есть определённый риск летального исхода, с другой – действовала не по своей инициативе. Опять же – фигура такая, что просто глаз не отвести, да и лицо симпатичное. И – Альберт Павлович. Тут не до эмоций.

– А ещё говорят, коней на переправе не меняют, – многозначительно заметила Валентина.

– Загнанных лошадей пристреливают, – ответил я, процитировав название романа, о котором только слышал, но не удосужился прочитать, и у блондинки дрогнуло веко; как видно, приняла это высказывание на собственный счёт.

Впрочем, она тут же совладала с эмоциями, и миленькое лицо вновь стало именно что миленьким.

– И что дальше? – спросил я.

– Говори о чём-нибудь, пока я обедаю, – заявила в ответ Валя. – И ничего не планируй на вечер субботы. Остальное тебе объяснит сам знаешь кто.

В этом «сам знаешь кто» не прозвучало ни малейшего намёка на тёплые чувства к человеку, который дважды спас красотке жизнь: первый раз откачав после убойной дозы наркотиков, второй – прикрыв от трибунала. Наоборот, произнесено это было с откровенной обидой, даже губки поджала.

– Пойдём в «Гранд-отель»? – высказал я предположение, основываясь на разговоре Ивана и Альберта Павловича.

– Сделал домашнее задание? Молодец.

В общем, разговор не задался. Валентина определённо пребывала в дурном расположении духа, а я развлекать её не нанимался. Посидели друг напротив друга и вместе покинули столовую. Точнее, не вместе, а одновременно, дальше каждый пошёл по своим делам. Не знаю, куда поспешила Валя, мой путь лежал на кафедру кадровых ресурсов.

Альберт Павлович был в кабинете один, он оторвался от печатной машинки и спросил:

– Встретились?

– Так точно, – отрапортовал я и кинул взгляд на настенные часы. Времени до заступления на дежурство оставалось не так уж и много, но и не в обрез.

– Присаживайся, есть разговор.

Я нехотя опустил на стул, положил кепку на колени и посмотрел на куратора, всем своим видом изображая внимание. Тот передвинул на мою сторону телефонный аппарат.

– Звони в «Гранд-отель» и бронируй стол на две персоны на девять вечера субботы. И не мямли, поуверенней давай. Снобизма в голос добавь, ты же не голодранец какой-нибудь, а студент и оператор! Элита и белая кость!

Номер в телефонной книге искать не пришлось, Альберт Павлович продиктовал его по памяти, и очень скоро я вернул трубку на рычажки.

– Приемлемо, – прокомментировал консультант мой разговор с администратором ресторана и потребовал: – Записную книжку купил? Доставай!

Помечать пришлось адрес и время. Нет, не адрес ресторана и не время брони, от меня требовалось за полчаса до этого подойти к общежитию медиков, встретить там Валентину и доставить её на извозчике в «Гранд-отель».

– Просто составишь компанию, – заявил Альберт Павлович. – Изображай щенячью влюблённость и смущение из-за дороговизны, с этим ты точно справишься. И не лезь на рожон. Если Валентина попросит подыграть – подыграй, скажет, что ты ей наскучил, – требуй счёт и уходи. На этом всё. Ещё раз повторяю: самому тебе проявлять инициативу не нужно и даже вредно, ты просто часть её легенды. И самое главное: если что-то пойдёт не так, если возникнут вопросы у полиции или коллег, ты просто пригласил девушку в ресторан. Познакомились на Кордоне, встретились в больнице, условились о свидании. Место ты выбрал, решив пустить пыль в глаза. Деньги – выиграл.

– Понял, – кивнул я, хоть на деле терялся в догадках.

– И самое главное – никому ни полслова. Усёк?

Я кивнул, тогда Альберт Павлович вручил мне тридцать рублей, велел расписаться в ведомости и предупредил:

– Деньги подотчётные, потрудись принести счёт.

– Сделаю.

– Теперь второй момент. Ты сегодня дежуришь в патруле или на вахте?

– В патруле. С трёх до семи.

– Очень хорошо! – обрадовался Альберт Павлович, встал из-за стола и раскрыл один из шкафов, оказавшийся доверху забитым картонными папками с завязками. Боковины их отмечали имена и фамилии, но какую именно достал консультант, разобрать не вышло.

Точно не мою – на откреплённой от обложки фотокарточке оказался запечатлён хулиганистого вида паренёк со слегка искривлённым носом, тяжёлой челюстью и не менее тяжёлым взглядом, что ощущалось даже по снимку.

– Сегодня в шесть вечера в сквере Стачек состоится выяснение отношений между двумя компаниями операторов. Твоя задача – задержать вот этого юношу бандитской наружности и навешать на него столько статей, сколько только получится.

Я даже рот от изумления разинул.

– Но как?

Альберт Павлович развёл руками.

– А вот и посмотрим!

Стало ясно, что нет смысла ни протестовать, ни апеллировать к здравому смыслу, я всмотрелся в фотокарточку и вернул её куратору.

– Раз уж речь зашла о хулиганах, – проговорил я после этого, – такой Северянин вам известен?

Альберт Павлович кивнул.

– Константин Северянин предположительно восемнадцатого года рождения. С семилетнего возраста воспитывался в специализированном детском доме. До поступления в инсти-

тут был известен как Костя Север, после поступления неоднократно задерживался за драки с однокурсниками. Стоял вопрос об отчислении и даже отнесении в разряд неблагонадёжных, но всё ограничилось обязательным посещением психолога. После асоциальное поведение сменилось стремлением к лидерству, что администрацию РИИФС полностью устраивает. За ним присматривают по старой памяти, но серьёзных претензий нет.

– Плохо присматривают, – скривился я.

– Ты, знаешь ли, тоже не подарок!

– А не проверяли его или его дружков на причастность к залётам студенток?

Альберт Павлович поморщился.

– Проверяли, конечно. Видишь ли, первой жертвой стала его подружка. Та ещё оторва, и влияла на него не лучшим образом, но ни ссор, ни скандалов между ними не было. Дело к свадьбе шло. А самое главное, на момент... инцидента он был на Кордоне. Такие дела.

– Может, она случайно залетела и решила ему алиби обеспечить?

– Меньше детективов читай, – посоветовал куратор. – И не позволяй личным антипатиям подменять собой улики. Нароешь что-нибудь серьёзное – милости просим, а фабриковать дела и без тебя мастеров хватает.

Я поднялся и спросил:

– А с подружкой его в итоге что случилось? Разбежались?

– После аборта был нервный срыв. Предлагали на теоретический факультет перевести и подождать – вдруг способности успеют восстановиться, так нет – отчислилась. Сейчас курсы стенографисток посещает какие-то заштатные. Жизнь под откос, в общем. Но в одном ты прав – неформальные группировки в институте разные. Есть нормальные клубы, есть всякие уроды. Мы за ними присматриваем, но людей не хватает. Опять же, пока не случится чего-нибудь совсем уж вопиющего, никто жаловаться не спешит. Будет свободное время, полистай досье, вдруг какая идея в голову придёт.

Я кивнул и поспешил распрощаться с куратором. Дошёл до вахты, забрал плащ и вещмешок да и отправился на поиски сквера Стачек, который, насколько помнил, располагался в пяти минутах ходьбы от железнодорожного вокзала.

Покою не давал вопрос, каким именно образом смогу оказаться там в самый разгар дежурства. Конечно, мотоциклом управляю именно я, но направление движения указывает старшина, а ему самому спускают маршрут патрулирования сверху!

Вот ведь задал Альберт Павлович задачку!

И ведь ничего примечательного в сквере Стачек и в помине не оказалось: сквер как сквер! Почти идеально круглую прореху меж зданий с облетевшими на зиму лиственными кустами обнесли невысокой оградой и окольцевали дорогой, на первых этажах окрестных зданий располагались бакалейные лавки, магазины готового платья, кафе и закусочные.

Вот вдоль их витрин я и прогулялся, пытаюсь придумать себе неотложное дело, которое потребует моего присутствия тут ровно в шесть. Зашёл в один магазинчик, потоптался перед прилавком другого, а потом углядел лавку с широчайшим ассортиментом сумок – преимущественно дамских. Но один из углов торгового зала отвели под саквояжи, и там я углядел кожаный портфель с двумя неброскими застёжками – плоский и небольшой, при этом достаточно вместительный, чтобы запихать в него помимо тетрадей ещё и трико, майку и кеды.

Времени оставалось в обрез, поэтому толком его в руках не покрутил, сразу справился о цене. Запрошенная сумма в пятьдесят пять рублей несколько не порадовала, засомневался даже, стоит ли тратиться. Но на всякий случай уточнил:

– А вы до которого часа открыты?

– До шести, – подсказал приказчик.

Я счёл это знаком судьбы, полез в карман, выгреб три трёшки и железный рубль.

– Вот задаток, – припечатал ладонью деньги к прилавку. – К шести вернусь и внесу остаток. Идёт?

Приказчика такой вариант вполне устроил, он убрал банкноты и монету в весело звякнувший кассовый аппарат и спрятал портфель под прилавок, а после выписал квитанцию на уплаченные мной десять рублей. Я сложил её надвое и спрятал в карман, затем натянул перчатки и поспешил в распоряжение. В кассе получил месячное денежное довольствие в размере ста тридцати рублей и полсотни материальной помощи, коей компенсировали разницу между реальным и официальным окладом, подсчитал имеющуюся наличность и тяжело вздохнул: на оплату сеансов терапии моих трёхсот семидесяти рублей не хватало даже близко. С такой суммой на руках даже о рассрочке просить смысла не было, вот и пришлось идти сдаваться на милость капитана Городца.

Тот выслушал меня, затем расспросил о поручениях Альберта Павловича. Усмехнулся в усы.

– Ну, с этим твоим хулиганом всё ясно – мы тоже по мере возможности отлавливаем операторов, которые с частниками договоры подписали. Дело житейское.

– Если так, почему не провести задержание официально?

– Для этого придётся просить об одолжении кого-нибудь в комендатуре. – Городец ухмыльнулся. – Например, меня. А наш дорогой Альберт Павлович терпеть не может оказываться в должниках. И к слову, потрудись заранее придумать причину, которая приведёт тебя в сквер. Скорее всего, придётся давать показания в суде, если начнёшь путаться, адвокат обвиняемого тебя с потрохами сожрёт.

– Уже, – ответил я. – В смысле, причину нашёл. Не подкопаешься.

– Ну и замечательно. Теперь что касается Валентины Паль... С ней держи ухо востро. Именно она по просьбе Олега Друзы десантников настропала, чтобы те кроме как о доставке объекта в Эпицентр ни о чём другом и думать не могли. Никаких противоестественных желаний в головы им не вкладывала, просто о других вариантах позабыть заставила. Мастерски туннельный синдром организовала. Да ты и сам видел, к чему это привело.

Я кивнул. Я – видел. И потому спросил:

– А чем она после возвращения с Кордона в Новинске занимается?

– Её на медосмотры соискателей поставили, поэтому в голову не возьму, какую игру Альберт Павлович затеял. Вас он точно неспроста свёл, только не забывай: ты не абсолют, эта умничка может при необходимости и к тебе ключик подобрать. Не зевай и на спиртное не налегай. Не развлекаться за казённый счёт идёшь, там эту свою тридцатку до последней копейки отработаешь. – Капитан Городец покачал головой, а потом глянул с хитрым прищуром и поинтересовался: – Ну, так что со ставками?

Я выложил на стол листок и пояснил:

– По курсантам полные установочные данные, по студентам только имена и суммы.

– Ладно, не безнадёжен, – хмыкнул капитан, дошёл до сейфа и отпер его. – А я всё гадал, чего ты за гарантийным письмом не идёшь? Неужто, думаю, на ставках неплохой капиталец сколотил?

Меня аж испарина пробилла, когда принял лист с подписями коменданта и начальника финчасти и сразу двумя печатями. В левом нижнем углу стояла виза комиссара Хлоба и синел штампик «согласовано». Сумма – две тысячи.

Такое облегчение накатило – словами не передать!

– Имей в виду – это не благотворительность. После окончания курсов начнут удерживать треть оклада, – предупредил капитан.

– А если мне меньше нужно?

– Меньше – не больше, на сколько счёт выставят, столько и будешь возмещать.

Я поднялся на ноги.

– И за часы тоже спасибо, Георгий Иванович!

– Пользуйся! – улыбнулся Городец, но его скуластая физиономия тут же приобрела жёсткое выражение. – И не забывай о нашем уговоре касательно поручений Альберта Павловича.

– Не забуду!

С драгоценным письмом я убежал в комнату, запрятал его и деньги под расстеленную на дне чемодана газету, после переоделся в форму, а только накинул плащ, и в комнату заглянул Василь.

– Готов? – уточнил мой сосед.

– Ага. Секунду.

Мы отправились в оружейную комнату, и по пути я поинтересовался, где вечерами пропадает Василь, а тот лишь плечами неопределённо пожал.

– Задают на курсах всякое. Надо разбираться. – После глянул на меня и усмехнулся. – Сам-то где позавчера ночевал?

Я беспечно пожал плечами.

– В гостях задержался.

Василь хохотнул и потопал к контрольно-пропускному пункту, а я побежал в автохозяйство и прикатил на плац уже на мотоцикле. Вскоре и старшина Ревень подошёл.

Я изобразил смущение – да тут и лицедействовать особо не пришлось! – и обратился к инструктору с просьбой завернуть ближе к шести в сквер Стачек.

– Мне там только портфель забрать, должны привезти к закрытию, – чуть приукрасил я ситуацию. – Просто хожу с вещмешком на занятия как чучело.

– Чучело и есть, – заявил в ответ старшина и махнул рукой. – Чёрт с тобой, завернём. Только время сам контролируй. Думал вам сегодня юго-запад показать, но чего уж теперь. Поехали!

Мы и поехали. Вынесли штук пять предупреждений без оформления протоколов, чем ввергли Василя в глубочайшее уныние. Ещё нагнали жути на уличных музыкантов, точнее – на подвизавшегося в их ватаге йогом студента РИИФС. Под заунывные песнопения товарищей он парил со скрещенными ногами в десяти сантиметрах над землёй, чем и привлекал к представлению внимание прохожих. Этого тоже забирать не стали, просто переписали установочные данные из студенческого билета.

Время от времени я доставал часы, и от ожидания морозило как-то даже сильнее обычного. В итоге Ревень не выдержал, обложил меня матом и велел ехать уже в этот «драный сквер» и не мотать ему нервы.

«Тоже замёрз», – решил я, поскольку на месте старшина сразу наострил лыжи в кофейню, ещё и Василя с собой прихватил.

– А ты – бегом! Одна нога здесь, другая там! – рыкнул на меня инструктор.

Было только без четверти шесть, но пришлось вытаскивать ключ из замка зажигания и тащиться в магазин. Приказчик сразу выставил на прилавок портфель, и тогда я вернул квитанцию, а потом стянул перчатки и долго-долго отогревал дыханием пальцы. Но бесконечно тянуть время было нельзя, расплатился и подступил к витрине. Через ряды сумок ничего толком разглядеть не получилось – темень изнутри показалась просто непроглядной, тогда вышел на улицу.

Там огляделся. Старшина и Василь ещё пили кофе, а под фонарями среди деревьев удалось приметить несколько групп молодых людей, на них я внимание сослуживцев и обратил, когда те соизволили вернуться к мотоциклу.

– Думаешь, что-то будет? – засомневался Ревень. – Ну, давайте шуганём!

Я на миг растерялся, на помощь пришёл шмыгнувший носом Василь.

– Так они через час на соседней улице соберутся, ещё и случайных прохожих зацепят. Зачинщиков винтить надо и остальных фигурантов устанавливать, чтобы разъяснительную работу провести.

– Слова не мальчика, но мужа! – усмехнулся старшина. – Линь, сколько там операторов навскидку?

Я погрузился в лёгкий транс и заставил себя раскрыться энергетическим помехам. С потенциалом в противофазе это получалось несравненно проще, но и тут очень скоро произнёс:

– Да все они там операторы. Семеро с нашей стороны, шестеро где-то дальше в сквере.

– Серьёзно, – признал Ревень и указал на мотоцикл. – Заводи, и поехали!

От вопросов я воздержался, и мы под тарактение движка укатили на соседнюю улочку, а там сделали круг и подъехали к скверу с другой стороны, остановились в подворотне за два дома. Василь к этому времени связался с диспетчером и попросил прислать подкрепление, а я предложил:

– Может, схожу на разведку? Нарукавную повязку снять – и нормально.

Старшина был в шинели, а Василь нашёл на куртку шевроны с двумя лычками младшего сержанта, знаков различия не было лишь на моём плаще.

– Попробуй! – нехотя разрешил старшина. – Только на рожон не лезь. Твоя задача – выявить заводил.

«Выявить и задержать», но от этого уточнения я воздержался, снял шлем и расстегнул ремень с кобурой, дубинкой и подсумком для наручников.

– Пистолет возьми, – проворчал Ревень и сунул мне свисток. – Держи, у нас ещё один есть.

Спрятав ТТ в карман плаща, я поднял воротник и потопал к скверу. Там горели фонари, но с расстояния высмотреть человека, которого лишь раз видел на фотокарточке, не представлялось возможным, а когда начнётся драка или, тем паче, прикатит патруль и все рванут в разные стороны, сделать это и вовсе окажется невозможно. Ничего не оставалось, кроме как рискнуть.

Миновав один фонарь и не дойдя до следующего, я пересёк дорогу и перемахнул через низенькую ограду сквера, но только вышел на аллею и сразу понял, что просчитался. Меня заметили.

Наверное, что-то из прочитанных пособий по наружному наблюдению всё же отложилось в голове, вот и я не стал строить из себя случайного прохожего, а направился напрямик к компании во все глаза паливших на меня парней.

– Закурить не будет? – спросил, не дойдя пары метров, и вроде как с извинением улыбнулся. – Такое дело – деньги только в понедельник обещают, а всё подчистую спустил...

Кто-то хмыкнул, кто-то понимающе усмехнулся. Один достал распечатанную коробку папирос и показушным жестом выбил одну мне, другой запалил огонёк на конце пальца. Я дрожащей рукой принял папиросу, прикурил, затянулся и пыхнул дымом.

– Благодарю! – развернулся и затопал прочь.

Всё, что мне было нужно, уже узнал. И знакомую физиономию срисовал, и рисунок создаваемых им энергетических помех на заметку взял. Было в его характере нечто странное, но не сообразил, что именно, просто порадовался возможности легко отличить от остальных.

А что руки дрожали – так никакой актёрской игры. Продрог.

Далеко уходить я не стал, лишь обогнул сквер, так чтобы оказаться на противоположной стороне от сослуживцев, и завернул за угол дома. Кинул папиросу под ноги, растёр её подошвой и принялся отплёвываться. Ну и гадость!

И сразу – понеслось! Ясновиденье позволило не пропустить момент сближения двух компаний. Парни не стали тратить время на разогрев взаимными оскорблениями и сходу кинулись

в драку, донесли короткие выкрики и отзвуки ударов, следом отчаянно заголосила женщина. Энергетический фон остался стабильным, сверхспособности никто не задействовал, а стоило только раздаться пронзительной трели полицейского свистка, и все бросились наутёк.

Как и рассчитывал, парни гурьбой ломанулись напрямик ко мне, и, мысленно сопровождая стремительно приближающуюся цель, я уже приготовился к рывку, когда с соседней улочки выскочил патрульный вездеход. Драчуны прыснули в разные стороны, стремясь затеряться в проходных дворах, я ругнулся и ринулся наперерез подопечному, который лихо сиганул через ограду и устремился через дорогу к проезду меж двух домов. Сблизился с ним и рывкнул, стремясь сполна воспользоваться эффектом неожиданности:

– Ни с места! Патруль!

Но ещё за миг до этого беглец неведомым чутьём уловил опасность и в развороте врезал энергетическим выбросом.

Идиот! Я не стал тратить время на уклонение, на бегу нейтрализовал выплеск и тут же словно копытом в лоб получил. Ноги вылетели из-под меня, и я рухнул навзничь, на миг потерялся, потом перевалился на бок и сплюнул кровью. Голова раскалывалась от боли, ничего толком не соображал, в ушах звенело.

Из темноты выскочил Василь, и хулиган провёл два стремительных удара. Со стороны могло показаться, будто он впустую молотит кулаками воздух, а на деле бил сгустками уплотнённой сверхсилы. Василь перехватил их встречным выбросом энергии, но тоже заблокировать удары не смог, согнулся в три погибели и повалился на брусчатку.

Каким-то совершенно запредельным усилием воли я заставил себя подняться с земли и ринулся под прикрытие театральной тумбы. Захлестнувшая разум злоба заставила потянуться за пистолетом, но сразу опомнился – нельзя! И разрядом тоже не приласкать, а ну как окочурится?!

Выступив из-за своего укрытия, я попытался опоясать драчуна жгутом давления, спеленать его и прижать руки к туловищу, но моё воздействие расплзлось будто гнилая бечева. Парень вновь пробил боксёрской двойкой и снова не просто так, а с выбросом сверхсилы.

Импульс! Уклонение!

Отработанным на тренировке манёвром я ушёл от энергетических выплесков, сблизился и врезал крепышу в печень, но не попал и сам едва не схлопотал удар в разрез. Едва успел качнуться в сторону, и кулак разминулся с челюстью, шаркнул по скуле и зацепил ухо.

Василь поднялся с брусчатки, и тут же на него едва не налетел ещё один беглец, мне пришлось закрываться и уходить от града хорошо поставленных ударов. Крепыш психанул и вновь шваркнул парными выплесками сверхсилы, но тут уж я не сплеховал и легко уклонился от первого выброса, а второй блокировал, задействовав технику закрытой руки. По предплечью словно обитой гвоздями палкой долбанули, едва от боли не заорал, но шанса провести захват и бросок не упустил.

В самый последний миг парень вывернулся и откатился в сторону, где его и приложил дубинкой Василь. Щёлкнул электрический разряд, я вмиг очутился рядом и подбил ноги драчуна подсечкой. Сам рухнул сверху и со всего маху вогнал локоть в правую почку, попутно усилием воли разметав скопление сверхсилы.

Подопечный начал вырываться, и перебороть его, дабы вывернуть на болевой захват руку, оказалось совсем непросто. Мне и способности задержанного удалось заблокировать с превеликим трудом, каким-то совсем уж неправильным оказался его энергетический канал – гибким, скользким и холодным.

Помог Василь: он хватанул парня дубинкой по голове, и тот поплыл. Я зафиксировал его и хрипло выдохнул:

– Держу!

– Уверен?

– Да!

Василь кинул мне наручники и припустил вдогонку за хромавшим прочь после столкновения с ним беглецом.

– Стоять!

Я защёлкнул браслеты на мощных запястьях драчуна и лишь после этого ощупал левой рукой лицо. Из носа текла кровь, но основной удар пришёлся в лоб, там уже набухла здоровенная шишка.

Тут вернулся Василь, уложил своего задержанного рядом, и я не удержался, спросил:

– Слушай, а что с этим парнем не так? Он какой-то неправильный!

– Так негатив это! – уверенно ответил сослуживец. – Ты не понял, что ли, ещё?

– Не-а, – машинально ответил я. – Не понял.

А сам подумал: «какого чёрта?!»

Негативов не посылают в распределительный центр! Никто не позволил бы негативу заключить контракт с частником! Во что такое меня впутал Альберт Павлович?!

Глава 3

С оформлением задержанных провозились до полуночи, точнее – с оформлением задержанного. Драка по предварительной договорённости между учащимися среднего специального энергетического училища и слушателями курсов, проходивших обучение там же, на серьёзное правонарушение не тянула, всех опросили и отпустили, вынеся предупреждение. Другое дело – мой подопечный. Если на сопротивление при задержании ещё могли посмотреть сквозь пальцы, то сопротивление с использованием сверхспособностей с рук сойти уже не могло. Да он ещё и зачинщиком выяснения отношений оказался – тут мне даже сочинять ничего не пришлось, кто-то из дружочков заложил.

Прямо на месте задержанному скормили препарат, блокирующий способности к оперированию сверхсилой, а дальше нас отправили на обследование в медсанчасть. Нас – это его и меня. Хулиган отделался парой ссадин, даже без ожога от шокера обошлось, мне диагностировали ушиб и подозрение на сотрясение мозга, но из лекарств выдали только мешочек колотого льда. Так дальше показания и давал, прижимая его ко лбу.

В оперативной части опросили и велели подождать, пока подготовят все бумаги, дабы завтра мог со спокойной совестью отправиться на учёбу, вот из протокола и узнал, что паниковал совершенно напрасно и капитан Городец со своим предположением касательно мотивов Альберта Павловича оказался совершенно прав. Задержанный и в самом деле заключил контракт с одним из частных предприятий, и это обстоятельство попросту не укладывалось в голове.

Ладно у меня случай уникальный, но этому боксёру как могли негатива не диагностировать? Ничего не понимаю.

Ночью ветер переменялся на восточный, заметно потеплело, и начали таять наметённый за последние дни снежок и наледь. Первой парой вновь шла общая теория сверхэнергии, сидел на ней со Львом, и тот показался каким-то даже ещё более напряжённым нежели обычно.

– Ты как – нормально? – спросил я после окончания лекции.

Лев дёрнул уголок рта и повернул голову в сторону приставленной к нему барышни, потом беспечно улыбнулся.

– Да, вполне! Проводишь меня на кафедру?

– Конечно!

Мы двинулись на выход из аудитории, и я обратил внимание, сколь ловко мой товарищ лавирует меж спешивших к выходу студентов. Он предугадывал их маневры ещё даже до того, как те замечали тросточку и чёрные очки. Расчищать дорогу пришлось уже только в самом столпотворении у дверей.

– Завтра с утра буду занят, – сообщил мне Лев, зайдя в лифт. – У тебя какие планы на вторую половину дня?

– Да особо никаких. Загляну.

Лев улыбнулся, а когда мы вышли на шестом этаже, вопреки обыкновению отклонился от привычного курса и свернул к уборной. При этом он будто невзначай стукнул меня тросточкой по щиколотке, и я понял намёк, двинулся следом. Ну а Милена, понятно дело, осталась дожидаться нас снаружи.

Стоило только остаться наедине, Лев сунул мне десятку и попросил:

– Возьмёшь бутылку водки и папирос?

– Возьму, – пообещал я, и мы разошлись по кабинкам.

Второй парой шла психология, и слушать пространные рассуждения на бесконечно далёкие от меня темы нисколько не хотелось, но решил всё же занятия без крайней нужды не прогуливать. И – надо ж такому случиться! – в коридоре наткнулся на Нину. Ну как наткнулся: успел замедлить шаг и остаться незамеченным. Будь она одна, наверное, подошёл бы, но нет же – с новым приятелем под ручку вышагивала, а при таком раскладе ничем хорошим разговор закончиться не мог.

И даже когда кавалер поцеловал Нину в щёчку, и та поспешила прочь, за барышней я не побежал. И в аудиторию вслед за незнакомым пока что мне молодым человеком тоже прошёл вовсе не из стремления учинить выяснение отношений; просто мы оба посещали курс психологии. Слушателей сегодня заметно прибавилось, но на задних рядах хватало свободных мест, там я и разместился. Эрнест Карлович уже был на месте и отвечал на вопросы, а лекция пока что не началась, в аудиторию продолжали подходить студенты.

Ухажёр Нины разместился в первом ряду, место для него придержал товарищ. В остальном же там сидели одни только барышни, далеко не все из которых попадали в категорию «синих чулок», хотя таковые определённо преобладали. Впрочем, нет – ещё один молодой человек уселся сбоку, как-то наособицу от всех, но его толком не разглядел, подметил лишь покатые плечи, длинные волосы и сутулость.

Дальше моё внимание переключилось на шумную компанию со вкусом одетых барышень, среди которых обнаружилась и Юлия Сергеевна. Вид её вызвал смешанные чувства: с одной стороны, нравилась она мне ничуть не больше прежнего, с другой – никак не мог свыкнуться, что вот эту барышню, всю такую приличную и правильную, я ночь напролёт и в хвост, и в гриву... Хм, да...

– Привет, Петя! – вырвала меня из задумчивости остановившаяся рядом Лия. – Тоже решила на этот курс записаться. Ты так интересно в прошлый раз рассказывал!

На самом деле в кафе я разве что упомянул о теории бессознательного, но это никакого значения сейчас не имело, поднялся и пропустил Лию, потом уселся обратно. Из коридора донёсся металлический трезвон, и окружившие кафедру студентки разошлись по местам, а Эрнест Карлович усилием воли заставил взлететь кусок мела и принялся вычерчивать им на доске какую-то сложную схему.

– Петя! – толкнула меня в бок Лия. – А сможешь меня технике алхимической печи научить?

– Ты же пособие в библиотеке взять собиралась?

– Его только с четвёртого курса выдают.

– Так Виктора попроси, – предложил я простейшее решение проблемы.

– Не выйдет, – вздохнула Лия. – Такие пособия в общий читальный зал выносить нельзя, а у Вити диплом на носу, ему выжимку для меня некогда делать.

Я задумался. Савелий Никитич говорил, что этой технике начинают учить, лишь когда наработана серьёзная база, и возникли сомнения, нужна ли она Лии на первом курсе. Но мне-то алхимическая печь не повредила, ведь так?

– Ладно, – произнёс я со вздохом. – Либо завтра в первой половине дня где-нибудь в кафе поговорим, либо подходи в среду после занятий на служебный вход, я там до семи дежурить буду.

Говорил я совсем не громко, просто не учёл, что преподаватель уже начал лекцию, и лёгкий гул в аудитории как отрезало. Ну и нарвался.

– Молодой человек! – произнёс Эрнест Карлович. – Да-да, вы! На последнем ряду! Встаньте, пожалуйста, и представьтесь!

В мягком и ровном голосе не прозвучало угрозы, но сам не заметил, как очутился на ногах.

– Пётр Линь, – сказал я и нехотя добавил: – Вольный слушатель.

– Слушатель! – воздел лектор к потолку указательный палец. – Это ведь от слова «слушать», не так ли? Вы явились сюда слушать, но вместо этого мешаете слушать другим. Самим своим приходом сюда каждый из присутствующих акцептовал общественный договор, который ограничил права, но дал и ряд привилегий, ведь всякий свободен ровно в той мере, в которой не ограничивает свободу других. Вы помешали остальным получать знания, а потому впредь я не желаю видеть вас на своих занятиях. Покиньте аудиторию немедленно!

Лия покраснела до корней волос и даже попыталась встать, но я жестом остановил её, открыл свой новенький портфель, без лишней спешки убрал в него тетрадь и карандаши и двинулся к входной двери.

В гробу и белых тапочках эту психологию видел!

Опять же – всё, что ни делается, всё к лучшему: будет время отнести в лабораторию гарантийное письмо. Этим и решил заняться, только для начала сходил в буфет, купил пирожное и стакан чая. Тут ведь какое дело – разговор с заведующим ничего хорошего не сулил, а психолог вывел из себя просто до крайности. Болтун! Решил на моём примере другим урок преподать, так нечего к этому какой-то там общественный договор приплетать!

И ведь может себе позволить, сволочь: курс явно популярностью пользуется, студентов хоть отбавляй.

Я допил чай, нехотя поднялся из-за стола и отправился в лабораторный корпус. От предстоящего разговора не ждал ничего хорошего, но не особо по этому поводу переживал. Просто не видел смысла себя накручивать. Даже если обяжут платить на общих основаниях – плевать! В любом случае недостающую сумму к маю точно накоплю. Будет непросто, и от многого придётся отказаться, но – накоплю.

Дурные предчувствия начали оправдываться с первых же минут. Только вошёл в приёмную и представился, как красотка-секретарша пригласила проходить в кабинет заведующего, на двери которого красовалась новая табличка, из которой явствовало, что главу лаборатории зовут Филипп Гаврилович Вдовец.

Тот, куда менее приветливый, нежели вчера в столовой, принял у меня бумаги и указал на стул. Потом углубился в чтение, и лоб его прочертила глубокая морщина. Следующие четверть часа тишину нарушал лишь шелест листов, а затем Филипп Гаврилович тяжело вздохнул, смерил меня пристальным взглядом и спросил:

– Знаешь термин «патовая ситуация»?

Благодаря Льву и нескольким походам в шахматный клуб я его знал, а ещё знал, что поладить с Филиппом Гавриловичем точно не получится, вот и счёл нужным заметить:

– В патовом положении невозможно сделать ход, здесь больше подходит поговорка «куда ни кинь, всюду клин».

Заведующий покачал головой.

– Если экстраполировать шахматные условности на реальную жизнь, в патовой ситуации игрок любым своим действием подставляет под удар короля, что запрещено правилами. А у нас имеются свобода воли, долг, ответственность и прочие занимательные вещи, зачастую мало совместимые с инстинктом самосохранения.

Я ничего на это высказывание не ответил, и тогда Филипп Гаврилович замаялся, будто бы даже собирался спросить о моих отношениях с Лизаветой, но ничего выяснять в итоге не стал, расписался, шлёпнул печать и объявил:

– Если сам отнесёшь гарантийное письмо в бухгалтерию, чтобы они оприходовали его и согласовали смету, первую процедуру сможешь пройти уже сегодня.

Свободного времени у меня было в избытке, и заведующий велел разузнать у секретарши, куда следует идти, а после указал на дверь. Кудрявая красотка ограничилась инструктажем более чем просто лаконичным, но, как ни странно, в коридорах служебного крыла я не заплу-

тал и вскоре уже стучал в дверь начальника сектора учёта нематериальных фондов, некоего Горицвета М. П.

– Войдите! – послышалось изнутри, и я переступил через порог.

Хозяин кабинета оказался господином средних лет, весьма изящного сложения, но при этом определённо тренированным и жилистым – ровно воздушный гимнаст. Волевое лицо с прямым носом отличалось резким овалом скул, что отчасти скрадывалось усами и бакенбардами, а зачёсанные назад и стянутые в хвост тёмные волосы открывали высокий лоб. Я с ним уже определённо где-то встречался, вот и замешкался, пытаюсь припомнить – где именно.

Это секундное замешательство не осталось незамеченным.

– Что-то не так, молодой человек? – спросил Горицвет с лёгкой хрипотцой завязатого курильщика и, слегка опустив круглые очки, внимательно глянул на меня поверх стёкол.

– Извините, – смутился я. – Просто видел как-то вас в «СверхДжоуле». Михаил Прокопьевич, если не ошибаюсь?

– Именно так. Что у вас?

Я протянул гарантийное письмо и составленную в лаборатории смету. Горицвет глянул сначала один документ, затем другой и вздохнул.

– Ох уж мне эта молодёжь! Торопитесь жить, уповаете на медикаменты и технологии и не понимаете, что эта спешка не даёт создать полноценный базис для гармоничного развития. Шагая через две ступени, легко порвать штаны! – Михаил Прокопьевич поднялся и отпер несгораемый ящик, выложил на стол вытащенную из него папку и принялся подшивать гарантийное письмо, продолжая вещать: – Поразительное дело, но самые отъявленные скептики – это как раз операторы. Получив доступ к сверхэнергии, они сочли это чем-то новым, очередной ступенью развития, если угодно. Но ничто не ново под луной. У всего в нашем мире имеется основа. Традиционные практики творят чудеса! Медитации и мантры куда действенней таблеток и агрегатов, которые, по сути своей, мало чем отличаются от костылей. Истинная сила скрывается внутри нас. И один из путей достичь просветления – это йога. Подумайте об этом. Подумайте, пока ещё не слишком поздно. Поверьте, созерцание зачастую превосходит по эффективности любые действия. Мои друзья и ученики демонстрируют поразительные результаты. Просто поразительные и совершенно необъяснимые с точки зрения теории сверхэнергии. Впрочем, о чём тут говорить, если этой теории без году неделя, а пути духовного развития совершенствуются на протяжении тысячелетий!

Горицвет вручил мне отпечатанную на печатной машинке листовку, после принялся листать бухгалтерский журнал. Я воспользовался моментом и с интересом огляделся. В углу не столь уж и просторного кабинета висели разнокалиберные бронзовые колокольчики весьма экзотического вида, а стены пестрели фотографиями и газетными вырезками. На некоторых снимках удалось разглядеть бухгалтера в компании чужеземца, экзотической одеждой и внешним видом неуловимо напоминавшего пахартских йогов. В большинстве заголовков упоминался некий «Махат Атман».

– Впритык, но по смете укладываются, – пробормотал Горицвет и начал шлёпать на смету печати и штампы. – Каждый из нас сам выбирает свой путь, – заявил он, поставив подпись. – Вам ещё не поздно передумать. Приходите, буду рад помочь.

Бухгалтер вернул согласованную смету, я с благодарностью принял её, попрощался и покинул кабинет, а в коридоре подумал-подумал и комкать листовку не стал, аккуратно сложил её надвое и сунул в портфель. После поспешил обратно в лабораторию, намереваясь пройти первую из процедур и успеть на следующую пару, благо до начала той оставалось ещё чуть больше часа.

Нужная мне лаборатория располагалась уже не на нулевом этаже, а в подвале и, подожереваю, не на самом верхнем его уровне. По крайней мере, спускался лифт как-то очень уж

долго. В холле без окон помимо молодого лаборанта с тонкими чертами лица меня встретили два охранника и не увальни-вахтёры, пусть и наделённые сверхспособностями, а подтянутые ребята с пистолетами-пулемётами и в полной боевой выкладке. Один занимал позицию сбоку от выхода из лифта, другой расположился за перегородкой – как бы ещё не бронированной.

– Это ко мне! – объявил предупредённый заведующим лаборант, но не тут-то было. Пришлось предъявлять карточку вольного слушателя, подлинность которой проверили звонком в службу охраны.

После этого меня повели в святая святых, и лаборант проворчал:

– Перестраховщики!

Впрочем, насчёт «святая святых» я погорячился. Сначала был холл, потом обычная на вид раздевалка с рядами одинаковых шкафчиков. Пришлось избавляться от одежды и взвешиваться на стоявших тут же весах. Назвавшийся Леопольдом лаборант записал показания в блокнот, указал мне на стопку простынок и позвал за собой. Рядышком лежали тапочки, надел их, пошлёпал следом.

Пришли мы в буфет, такое впечатление, по крайней мере, поначалу сложилось. Там за круглыми столиками пили чай с полдюжины замотанных в простынки пациентов обоих полов, некоторые были раскрасневшимися, словно после бани, другие казались слегка озябшими, так же, как и я.

Заправляла хозяйством дородная тётка в белом фартуке поверх белого же халата с закатанными рукавами, открывавшими мясистые предплечья. Именно она принялась отмерять на аптекарских весах какие-то травки и сушёные ягоды, когда лаборант объявил:

– Сборы три и четыре в равных пропорциях.

Уже пару минут спустя я получил фарфоровый чайник и металлическую кружку, расположился за свободным столиком и принялся ждать, пока заварятся травы. Лаборант указал на странного вида часы, на циферблате которых, помимо часовой и минутной стрелок, с тихими щелчками сменяли друг друга таблички с секундами.

– Через две минуты выпей кружку, потом иди в третью парную, – предупредил Леопольд. – Там посидишь до сигнала, попутно прими ещё столько же настоя. Чтобы не путаться, наливай в кружку сразу до риски. Остатки выпьешь после возвращения.

Я ожидал совсем другого, каких-нибудь замысловатых агрегатов, и немного даже растерялся.

– А потом?

– Суп с котом, – отшутился лаборант. – Увидишь.

Я решил не настаивать на объяснениях, выждал озвученное время, наполнил кружку травяным чаем и сделал осторожный глоток. Вкус показался знакомым, и при этом ничего подобного прежде пробовать точно не доводилось. Тянуть не стал, влил в себя содержимое кружки, вновь наполнил её и отправился к двери с табличкой «1-3». Насколько успел разобраться, для барышень предназначались четвёртая, пятая и шестая парные.

За дверью обнаружился небольшой предбанник с душем и круглый бассейн с холодной водой. Сидевший за столом с песочными часами банщик оторвался от газеты, глянул на меня и спросил:

– Первый раз? – А после утвердительного кивка предупредил: – Там часы песочные, не забудь время засечь. Если жару плохо переносишь, садись пониже. На выходе ныряй в бассейн.

Откуда-то из соседнего помещения донёсся пронзительный девичий визг, и дядечка поднял вверх указательный палец.

– О, занярула! Только ты не визжи, очень прошу.

Я на это лишь плечами пожал и зашёл в парную, в которой оказалось не так уж и жарко, но при этом одуряюще пахло травами и сосновой смолой. Перевернул одни из песочных часов, забрался на верхнюю полку, а уже пару минут спустя спустился чуть ниже и отхлебнул тра-

вяного чая. Возникло ощущение, будто неведомым образом перенёсся в окрестности Эпицентра, очень уж знакомо прогрело изнутри. Пропотел вмиг. Ещё поймал себя на ожидании, что вот-вот на зубах знакомо заскрипит пыль, даже глотнул настоя, стремясь избавиться от наваждения.

За последними песчинками, падавшими из верхней колбы, я с живейшим интересом наблюдал уже с самой нижней полки. Под конец начало откровенно припекать, а прыгнул в бассейн – и будто в прорубь ухнул, до того холодной оказалась вода. Когда выбрался и замотался в простынку, из соседней парилки вальяжной походкой вышел студент на пару лет постарше, встал под душ.

Я заподозрил розыгрыш и обратился к банщику:

– А в бассейн сигать – это обязательно?

Тот оторвался от газетки, смерил меня раздражённым взглядом и заявил:

– Из третьей процедурной – обязательно.

Задерживаться в предбаннике я не стал, вернулся в зону отдыха, в несколько глотков допил чай и огляделся в поисках лаборанта. Тот помахал мне рукой от дальней двери.

– Травы собраны на территории Эпицентра, дерево на полки привезли оттуда же, – пояснил Леопольд. – Ты сейчас не просто в бане посидел и чайку попил, ты восприимчивость к сверхэнергии повысил. Теперь проще будет с упражнением справиться.

Мы пошли по коридору, и в лицо повеяло сухим тёплым воздухом, задувал он решительно со всех сторон, даже снизу, и пришлось придержать рукой простынку, дабы та не взлетела к поясу. Сопровождавшая веснушчатую студентку лаборантка – тётенька уже в возрасте не удержалась от ехидной реплики:

– Да не жмись ты! Хозяйство проветривать надо!

Её подопечная отчаянно покраснела и засемила, зажав собственную простынку меж коленей. Я тоже растерялся, даже не нашёлся с ответом.

За следующей дверью в небольшой комнате обнаружился пульт с несколькими переключателями и рычагами, присматривавший за ним молодой человек играл сам с собой в шахматы, точнее – разбирал этюды из журнала. Он мельком глянул на меня и сказал:

– Мальчики налево, девочки направо.

– Стас, ты где тут девочек увидел? – возмутился Леопольд. – Совсем уже со своими шахматами сбрендил!

– Ну, если тебе не интересно, где девочки, иди к мальчикам, – прозвучало в ответ, и мой сопровождающий даже задохнулся от возмущения.

– Урод, – пробурчал он, поворачивая налево, где после небольшого перехода обнаружилась очередная развилка с тремя дверьми. – Я сейчас тебя везде проведу, в следующий раз будешь сам ходить. Не заблудишься.

– Не заблужусь, – подтвердил я без особой, впрочем, уверенности.

Дверь второй процедурной оказалась массивной, изнутри её покрывал материал, похожий на слюду, а саму процедурную словно вырубил в толще огромной глыбы соли. Круглое помещение с куполообразным потолком и симметричной ему выемкой пола не имело никаких видимых источников освещения, но темно в нём не было: казалось, свет проникал прямо через стены. В центре высился помост, от двери к нему был перекинут мосток.

– Заходишь, садишься, пытаешься расслабиться и ощутить присутствие сверхэнергии. По сигналуходишь в резонанс. Сегодня надо полностью раскрыть уже наработанный потенциал, поэтому энергию удерживай в себе.

– И что с ней потом делать?

– Потом выплеснешь. И чем быстрее, тем лучше.

– А тут ничего...

Я неопределённо повертел в воздухе рукой, и Леопольд понимающе улыбнулся.

– Тут ничего, даже когда операторы шестого витка процедуры проходят, – уверил он меня и сделал приглашающий жест рукой.

Оставалось лишь пройти на помост, тогда лаборант вытянул мосток и закрыл дверь. Навалилась неестественная тишина, и я сообразил, что не уточнил насчёт сигнала, но тревожиться на этот счёт не стал, постелил простынку на доски и уселся сверху. Потянулся к сверхсиле и пусть не сразу, но всё же уловил её чуть ослабленное и при этом какое-то очень уж чёткое, не сказать – сфокусированное, присутствие.

Подивился необычным ощущениям, а миг спустя донеслось металлическое дребезжание звонка.

Сигнал? Он самый!

Я резко вдохнул и чуть замешкался, поскольку в процедурной не оказалось никаких источников освещения и пришлось перебарывать привычку вгонять себя в резонанс через эффект стробоскопа. И вновь подивился непривычной чёткости ощущений, которая не пропала даже с ростом пропускной способности входящего канала. Единение со сверхсилой оказалось столь полным, что невольно задался вопросом, каким образом умудрялся оперировать ею до того. Попутно взвинчивал потенциал и разгонял энергию по организму, смягчая её давление, а после и вовсе закрутил волчком, дабы не позволить выплеснуться вовне.

Свечение соляных стен стало чуть ярче, начали проявляться какие-то тени, прожилки и цветные пятна, а потом я взлетел на пик мощности, попытался зацепиться за этот краткий миг, но могущество просочилось сквозь пальцы, стинуло. И осталась лишь тяжкая ноша набранного потенциала.

Я шумно выдохнул и выплеснул из себя всю удерживаемую энергию разом. Свечение стен потускнело, а в следующий миг от них отразилась волна морозного воздуха и в процедурной ощутимо похолодало, даже кожа мурашками покрылась, а сбившееся дыхание начало вырываться с паром. К счастью, долго сидеть на помосте не пришлось: распахнулась дверь и мне перекинули мосток.

– Тридцать три секунды! Нормально! – оповестил меня Леопольд. – Ты тогда иди, а мне ещё замеры сделать надо.

Иди? Я просто опешил. И за это с меня содрали двадцать пять рублей? За травяной чай, десять минут в парилке и сидение в соляной комнате? Серьёзно?

– Это всё? – уточнил я на всякий случай.

– На сегодня – да, – подтвердил лаборант. – Запишись у администратора на следующую неделю.

– А что это вообще было? – обвёл я рукой соляные стены процедурной.

– Соль с болота на двенадцатом витке Эпицентра, – просветил меня Леопольд. – Она стабилизирует поток энергии за счёт отсечения части диапазона, оперировать сверхсилой становится немного проще. Ты тут сейчас просто навыки нарабатывал. Как на велосипеде ездить – один раз получилось, дальше уже само собой выходит начинается. И организм привыкает. Всё, иди! Работать надо!

Испытывать терпение лаборанта я не стал и отправился в раздевалку, а на выходе заглянул в кабинет администратора и забронировал время посещения процедур, коих на следующей неделе было запланировано четыре.

На курсах тезисно рассказали о работе с осведомителями и продолжили разъяснять отдельные моменты организации наружного наблюдения и ведения допросов, а под конец устроили проверку наших вымышленных историй о якобы случайном знакомстве друг с другом. Герман Харитонович давал технику создания ионного облака, которой я и без того владел, но выслушал лекцию с большим интересом. И всё бы ничего, но по итогам проверки кинети-

ческих экранов он устроил всей группе настоящий разнос и даже попросил заведующего учебным центром не выдавать при отработке техники закрытой руки ватников.

– Пусть поймут, каково это – пулю схлопотать! – заявил он напоследок и ушёл, в сердцах хлопнув дверью.

На наше счастье, Денис Гаврилович этот совет проигнорировал и лишать нас защиты при обстреле каучуковыми пулями не стал. Ну а до того мы и сами палили по мишеням, прицельно и на время, и вот тут уже мне персонально настоятельно посоветовали больше упражняться с выхватыванием из кобуры табельного пистолета. Пообещал принять к сведению.

На вечерней тренировке сначала вдумчиво работал с гантелями и штангой, затем отрабатывал удары и уклонения, ну а потом отпросился, поскольку никак иначе отвезти Валентину в ресторан не успевал. А так и стрелки на брюках отгладил, и полуботинки начистил.

За медсестрой прикатил сразу на извозчике, плюнув на переплату, и не прогадал, удостоился от девушки благосклонной улыбки. Это был хороший знак по той простой причине, что, несмотря на предупреждение Георгия Ивановича, я всерьёз рассчитывал перевести наше общение в плоскость личных отношений.

Ну а почему нет? Симпатичная, ладная, свободная. Плохо разве?

Если без чувств, исключительно для здоровья?

Пусть даже в общежитии условия для встреч отсутствуют, мы по пути вполне себе приличную на вид гостиницу проехали – не разорюсь, если придётся ночь там провести. Не просто же так деньги вдобавок к выданной Альбертом Павловичем тридцатке с собой прихватил.

Но – это всё потом. Сначала – в «Гранд-отель».

Наряженный в ливрею с золочёным позументом вахтёр посмотрел на меня свысока и точно собирался посоветовать поискать заведение попроще, но перевёл взгляд на Валентину и услужливо распахнул перед нами дверь. Хотя, наверное, всё же не перед нами, а перед ней. Сам я себя мальчишкой на чужом празднике жизни ощутил.

Впрочем, все эти мысли мигом вылетели из головы уже в гардеробе. Помог Валентине снять кардиган и обомлел при виде глубокого выреза вечернего платья, оставлявшего спину открытой вплоть до самой поясницы. А вот декольте было весьма скромным, и смотрелась моя спутница в своём облегающем наряде просто великолепно. Я на её фоне откровенно терялся. Оно и к лучшему.

Валентина небрежно поправила перед зеркалом копну светлых волос, и тогда метрдотель поручил официанту провести нас к забронированному столу. Просторный зал с хрустальными люстрами, надраенным паркетом, лепниной на стенах и колоннах, застеклённым потолком и высоченными окнами оказался почти полон, в дальнем его конце играл оркестр. Пока шли, я буквально кожей ощущал на себе оценивающие взгляды, но виду не подал, да и глазели сто к одному преимущественно на Валентину.

А вот когда официант разжёл свечи и роздал нам меню, враз интерес здешней публики волновать перестал. Я прежде даже не подозревал, сколь ничтожной суммой окажутся выданные на оперативные расходы тридцать рублей – особенно с учётом того обстоятельства, что Валя ни в чём себе отказывать не собиралась. Конечно, теплилась надежда, что Альберт Павлович покроет превышение сметы, но именно – лишь теплилась, и я ограничился бифштексом.

– Что будете пить?

Я уже успел мельком глянуть цены на коньяк, поэтому покачал головой.

– Ничего не нужно, спасибо.

Но ничего не нужно было мне, для Вали в ведёрке со льдом принесли бутылку лютиеринского шампанского. Хлоп! И тридцать пять рублей на ветер!

Это было так невыносимо нелепо, что меня разом даже отпустило как-то. В лице ни один мускул не дрогнул, разве что от улыбки уголки губ заболели. Ну что ж – если есть в жизни справедливость, эта ночь компенсирует мне все издержки, и успокоился окончательно.

Ну а что тут теперь поделаешь? Не сбегать же, не заплатив по счёту? Остаётся лишь расслабиться и получать удовольствие. От бифштекса, музыки, Валентины.

Перед помостом с ансамблем уже кружились в танце парочки, и я встал, протянул руку спутнице. Та немного поколебалась, но всё же моё приглашение приняла. Ладонь легла на стройную талию, донёсся лёгкий аромат духов, и закружилась голова, и тут же всплыло воспоминание, как мы танцевали на Кордоне и чем это всё в итоге обернулось, возбуждение схлынуло, разом прояснилась голова.

Потом предупредительный официант с лёгким хлопком откупорил бутылку шампанского, наполнил искрящейся жидкостью два хрустальных бокала на длинных ножках. Мы с Валею чокнулись и выпили, точнее – выпила она, а я ограничился небольшим глотком. Никаких изысков вкуса не разобрал и хмыкнул, не понимая, какой смысл платить такие деньжищи за какую-то газированную кислятину.

– О чём задумался? – спросила Валя, прожевав канапе с красной икрой.

– Думаю, какими мы видимся со стороны, – ответил я, надкусил канапе и отложил на тарелку.

И вот икра – ну что в ней такого нашли? Ерунда какая-то невкусная!

Валентина будто невзначай осмотрелась, взгляд её сделался внимательным и острым. Хотелось бы знать, есть ли в зале тот или те, ради кого устроен этот спектакль, но моё дело было маленькое, интересоваться на этот счёт не стал. Так или иначе, скоро всё прояснится само собой.

– Не волнуйся, – улыбнулась девушка и погладила меня по ладони, – ты идеален в роли юнца, который набрался смелости, разбил копилку и пригласил объект вожделения в самое роскошное заведение города в надежде распрощаться с девственностью.

– Я не играю. Я – это он и есть.

Валентина улыбнулась и кивнула, позволяя подошедшему официанту наполнить бокал шампанским. Я накрыл свой ладонью, дав понять, что освежать напиток нет нужды. Налегать на спиртное сегодня не собирался – особенно на эту дорогущую гадость, пусть уже за неё и заплатил. Чем больше достанется Валентине, тем лучше.

Немного погодя мы вновь потанцевали, а затем Валю пригласил на танго какой-то с иголочки одетый хлыщ. Мне даже приступ ревности изображать не пришлось, аж передёрнуло всего от возмущения. Но у Вали после очередного бокала шампанского заблестели глаза, она и не подумала отказать.

Когда тип с тоненькими усиками привёл её обратно, я с мрачным видом кромсал ножом бифштекс.

– Не дуйся, – попросила Валентина.

– И в мыслях не было, – ответил я и отправил в рот кусочек отменного мяса. Гарнир тоже оказался хорош, не испортило аппетит даже подозрение, что пируем мы сейчас преимущественно за мой собственный счёт.

Дальше принесли заказанного Валею осетра, и пока она ела, я огляделся и решил, что смотрюсь в ресторане не так уж откровенно инородно. Вопреки первоначальным опасениям, за многими столами ужинали компании молодых людей, и мой костюм, если издали, уступал их нарядам не слишком сильно. Разумеется, хватало и более возрастной публики, да и чопорная атмосфера места накладывала определённый отпечаток, но если на наш столик и поглядывали, то виной тому была Валентина и её сногшибательный наряд.

А вообще – интересно. Первый раз в ресторане гуляю!

Кто бы подумать мог...

Попутно я пытался решить, чего ради вообще затеян этот спектакль, но никаких идей на этот счёт не появилось. Подозреваю, кто-то должен увести у меня спутницу – и не просто кто-то, а кто-то вполне определённый! – но пока поклёвок не было, если не считать таковой приглашение на танец.

А ещё я задумался, откуда у людей эдакие деньжищи, раз они могут позволить себе ужин в заведении со столь заоблачными ценами. Мы ведь не в столице, где не протолкнуться от фабрикантов, банкиров и рантье из числа буржуа и недобитых аристократов, их жён, отпрысков и любовниц. Странно это всё. Непонятно.

Бутылка шампанского подошла к концу, и Валя заказала десерт, я мысленно махнул рукой – гулять так гулять! – и попросил принести кофе, мороженого и рюмку коньяка. От входа в зал послышался шум, посмотрел туда и увидел профессора Палинского в компании нескольких солидного вида господ и эффектных дам, но именно дам, а не барышень из числа студенток РИИФС, это точно.

Мелькнула мысль: «вот оно!», – но Валя даже бровью не повела, и уже минут через десять с её молчаливого согласия я попросил счёт. Заранее готовился к худшему, и лишь по этой причине удержался от досадливой гримасы, взглянув на строчку с итогом.

Семьдесят семь рублей сорок две копейки!

Я выложил полученную от куратора тридцатку, присовокупил к ней пять собственных десятирублёвых банкнот, и Валентина немедленно поднялась из-за стола; сдачи она определённо дожидаться не собиралась. Настроения сие обстоятельство мне отнюдь не улучшило, и я едва не позабыл прихватить с собой счёт. Ладно хоть ещё опомнился, вернулся и сунул его в карман.

– Забронируй столик на следующую субботу на это же время, – шепнула Валя, прежде чем упорхнуть в дамскую комнату.

Я так и поступил, а когда мы вышли на крыльцо и вахтёр взмахом руки подозвал одного из дежуривших перед рестораном извозчиков, сунул рубль ещё и ему. Ему – это вахтёру. С извозчиком расплатился отдельно уже на месте.

Но, как оказалось, отпустил я экипаж совершенно напрасно.

– Увидимся! – небрежно бросила Валя, вытянув из сумочки связку ключей, и это короткое слово будто серпом по известному месту резануло.

Я-то совсем на другое завершение вечера рассчитывал!

– И даже на чай не пригласишь? – предпринял я попытку напроситься в гости, но та успехом не увенчалась.

Валя улыбнулась и как-то разом перестала казаться слегка подвыпившей, сделалась серьёзной.

– Петя, не принимай на свой счёт. Ты замечательный мальчик, мне просто это всё неинтересно.

Но не принять на свой счёт не вышло, меня аж передёрнуло, вот и не сдержался, ввернул услышанное от Лизаветы Наумовны словечко:

– Да неужели? Ты не похожа на фригидную!

Ну а тут зацепило Валу.

– Я не фригидная! – отчеканила она. – Мне просто неинтересны мужчины!

Дальше перед моим носом захлопнули дверь, и я запрокинул голову, беззвучно ругнулся. Замечательно погуляли! Полсотни – в трубу! И ещё ведь губу раскатал...

Э-эх!

Но деваться было некуда, натянул посильнее кепку, поднял воротник пиджака и, на ходу надевая перчатки, поспешил к трамвайному кольцу. Если не потороплюсь, придётся в казарму через полгорода пешком топтать. Отличное завершение дня тогда получится, что и говорить! Просто замечательное!

Утром встал злой как чёрт. До того поганое настроение было – словами не передать. И потраченных на извозчика денег жалко, и обидно из-за полученного отлупа. Пошёл даже на турниках и брусьях поупражняться перед завтраком, тогда только отпустило немного, вот и обратил внимание на странную задумчивость Василя.

– Ты чего? – спросил я, отпив чая.

– Сегодня Варя с Кордона возвращается, – сообщил он с каким-то очень уж тяжёлым вздохом.

– Ну и? – удивился я – Ты не рад, что ли?

– Рад! – уверил меня сослуживец. – Но как мы дальше ездить будем, а? Вчетвером на мотоцикле не покатаешься, а для самостоятельных выездов нас ещё не аттестовали. Такая вот ерунда.

– Так Варю ещё в штурмовой взвод на стажировку отправят. Забыл, что ли?

Василь пожал плечами.

– Ну, если только так.

В кино он меня не позвал, да я бы в любом случае отказался, поскольку первую половину воскресенья намеревался провести в читальном зале институтской библиотеки. Сотворить кинетический экран никак не получалось, вот и решил одними лишь практическими упражнениями не ограничиваться и попытаться разобраться с теорией.

На выходе из столовой встретил Маринку в форме и с револьвером в кобуре.

– Привет! Дежуришь сегодня?

– Привет, Петя! А ты нет? Везунчик!

Маринка была высокой, стройной и симпатичной, а поскольку мы с ней вроде бы неплохо ладили, решил закинуть удочку и предложил:

– Может, сходим куда-нибудь вечером?

Барышня с сомнением покачала головой.

– Мне бы после дежурства до койки доползти.

– А в твой выходной?

– Ой, да когда он ещё будет! Зареклась что-то заранее планировать. Пока, Петя! Бежать пора!

– Пока-пока, – сказал я ей уже вслед и мысленно выругался.

Но не в адрес Марины, исключительно в свой собственный!

Герой-любовник, блин! Второй щелчок по носу подряд! А с учётом Нинки счёт и вовсе категорически не в мою пользу! Похоже, не только у Льва есть повод выпить.

И даже тот факт, что среди выстроенной у пропускного пункта дежурной смены заметил ефрейтора Маленского, настроения улучшить не смог. Толку злорадствовать? Ну не пошла карьера у Барчука, мне-то что с того? Опять же, Василь уверен, что его на курсы младшего начальствующего состава по квоте следующего выпуска пропихнут. Там мест больше должно быть.

В общем – плевать.

На трамвайной остановке повстречался Миша Попович. Мы с ним о встрече не улавливались, так получилось само собой – завтрак-то у всех в одно время. Как оказалось, Нигилист тоже намеревался посетить институтскую библиотеку, и я всю совместную поездку на трамвае расспрашивал его о кинетических экранах, но он ничего толком об этом не знал.

В библиотеке поначалу дело тоже не задалось, поскольку учебники о техниках составления энергетических конструкций первокурсникам не выдавали, но тут на помощь пришёл Миша, посоветовав посмотреть книги о комбинаторике. Вот я и принялся рыться в картотеке, мысленно пеняя себе, что не удосужился попросить у Германа Харитоновича соответствующее пособие, – среди выданных книжиц ничего на тему оперирования сверхэнергией не оказалось.

В итоге я остановил свой выбор на двух учебниках по комбинаторике, их после недолгого ожидания на руки и получил. Ну а дальше принялся грызть гранит науки. Именно – грызть, поскольку что одна книга, что другая предназначались для студентов, уже прослушавших полный курс общей теории сверхэнергии.

Дёрнул бы Мишу, но тот почти сразу удалился в дискуссионную комнату, где подобралась компания таких же энтузиастов, пришлось разбираться самому. Так с несколькими перерывами на походы в буфет до обеда и просидел. После двенадцати начали подходить студенты, и очень скоро в читальном зале не осталось свободных мест, тогда решил закругляться и отправился в столовую. Миша – тоже, причём из библиотеки он ушёл в компании двух студенток.

– У Прохора выходной, – пояснил он мне. – Сходим куда-нибудь.

Я бы даже расстроился, наверное, ладно хоть ещё барышни были скорее умными, нежели красивыми. Только это и примирило с несправедливостью бытия. Задумался, как бы самому устроить личную жизнь, и никаких вариантов, кроме как подкатить к Юлии Сергеевне, на ум не пришло. Беда.

В клуб я отправился с тайной надеждой познакомиться с какой-нибудь симпатичной девчонкой с военной кафедры, но публика там собралась преимущественно мужская, а немногочисленные барышни пришли в сопровождении кавалеров. Например, как Инга, вновь составившая компанию героическому аспиранту.

Махнул рукой, заказал чай и ром, подсел за стол к Яну, Коле и Карлу, соорудил грог и вытащил полученную от странного бухгалтера листовку.

– А что о занятиях йогой скажете? Они реально развитию способностей помогают?

– Брехня! – коротко высказался Коля.

– Не скажи! – возразил ему Ян. – Обретение внутреннего равновесия...

– Чушь собачья!

Приятель сцепился в жарком споре, а Карл похлопал меня по руке, привлекая внимание, и негромко произнёс:

– Тебе там не понравится, Пьер.

– Чего это?

– Йога у пацифистов большой популярностью пользуется.

– А! – протянул я и спрятал листовку в карман. – Тогда да.

Дальше верховодившие в клубе аспиранты затеяли обсуждение международной обстановки и разругались в пух и прах, не сойдясь во мнении, кто представляет наибольшую угрозу для республики: Третий Рейх, нихонские оккупационные войска или наш традиционный противник – Срединское воеводство.

Тут я и поднял руку.

– Кстати, а как так получилось, что операторы из Оксона продолжают обучение в институте?

– Да у нас и срединцев хватает! – заметил кто-то из собравшихся. – А что делать? Не высылать же их! У нас обязательства!

Вениамин Мельник откашлялся и заявил:

– Дело не в обязательствах. Дело в солидарности операторов как передовых представителей своих народов! Далекое не все оксонцы разделяют идеологию национал-социализма, как не все срединцы грезят бреднями о воеводстве от моря до моря! Мы – операторы! Мы должны быть выше замшелых условностей и работать на перспективу!

– Bravo! – выкрикнул Тарас Пникота и захлопал в ладоши. – Отлично сказано, Венечка! Просто здорово! Надо понимать, когда этих передовых людей призовут в армию, они все как один откажутся выполнять преступные приказы!

– Не все, – признал Мельник, – но будут и такие. И наша первоочередная задача – вести разъяснительную работу среди иностранных студентов!

– Вербовать, ты хочешь сказать? – выкрикнул Касатон Стройнович. – Чтобы они после возвращения на родину стали частью пятой колонны?

– Называй как хочешь! – отмахнулся Вениамин. – Могу сказать лишь одно: их выдворение не только окончательно подорвёт международные позиции республики, но и лишит нас союзников! Сейчас руководство института проводит консультации с чиновниками Лиги Наций и ответственными лицами из правительства, но до окончания учебного года никого не вышлют совершенно точно. И это правильно!

Вот в таком духе дискуссия дальше и продолжилась, а уже ближе к пяти я купил в буфете поллитровку трёхзвёздочного коньяка и отправился на встречу со Львом. Чем был хорош мой плащ, так это глубокими карманами, пронёс выпивку в клинику безо всякого труда. В комнате выставил бутылку на стол, выложил рядом приобретённые по дороге папиросы.

– Ты меня просто спас! – обрадовался Лев, принёс с кухоньки два гранёных стакана, и я плеснул нам коньяка.

Выпили, и мой товарищ закурил, втягивая в себя дым короткими нервными затяжками. Потом вновь сходил на кухню, вернулся с колбасной и сырной нарезкой и блюдом с мандаринами.

Я начал чистить один и спросил:

– Ну и что у тебя стряслось?

– Наливай! – махнул рукой Лев, а после новой порции алкоголя вздохнул и заявил: – Да просто расстался с иллюзиями, знаешь ли.

– Это как?

– А вот так! Пришёл к осознанию того простого факта, что я ничтожество. Полный ноль. Зеро!

Я плеснул немного коньяка сначала в его стакан, потом в свой и лишь после этого заявил:

– Ничтожествам не создают таких условий, знаешь ли.

Лев вскочил на ноги и заметался по комнате, будто зверь в клетке.

– Ну ладно! – отмахнулся он. – Насчёт ничтожества – это я погорячился. Но я и не оператор. Я – инструмент. Ценный и полезный, но всего лишь инструмент. Понимаешь?

– Нет.

Мой товарищ плюхнулся в кресло и пояснил:

– Вчера ходил на практику, смотрел на работу аналитиков. Знаешь, как натаскивают новичков? Они контролируют энергетическое поле на территории института. Преимущественно отслеживают задействование сверхспособностей на границах территории, но и внутри наблюдают. Рассказать, как они работают?

– Расскажи.

– Мягкие кресла, удобные лежанки. Чай, кофе, пирожки. И так – всю жизнь! Понимаешь? Всю жизнь!

– Красота! – заявил я в ответ совершенно искренне.

– Да брось!

Я взял стакан, и мы выпили.

– Ну а чего тебе хотелось бы? Работать на свежем воздухе? В холод, жару, дождь? Так, что ли?

Лев нервно передёрнул плечами.

– Не в этом дело!

– А в чём тогда?

– Моя мощь – два с половиной киловатта! – отчеканил Лев. – И это навсегда!

– Потенциал-то у тебя куда выше, так? И потом – в корпусе за выдающиеся способности самое большое можно лейтенантом стать. А дальше придётся вкалывать наравне с остальными.

– Да не о карьере речь! – отмахнулся мой товарищ. – Просто... Просто я совсем на другое рассчитывал! Я не хочу, понимаешь? Не хочу! – Он взял коробку папирос, но тут же кинул её обратно и махнул рукой. – Да что там говорить!

Я взвесил в руке бутылку, но коньяка оставалось в ней не так уж и много, решил повременить.

– А с Палинским у тебя как?

– Мул. Ему нужен мул. На эту роль я гожусь просто идеально. Может, вытяну ему пару секунд резонанса.

Я прикинул, какой именно эффект даст добавление на шестом витке этих самых двух секунд, и хмыкнул. Подумал, не рассказать ли приятелю о своих проблемах, чтобы успокоился и не бесился с жиру, но не успел. Дверь распахнулась и в комнату вошла Милена.

– Стучаться надо, – проворчал Лев, на неё даже не взглянув.

Барышня это замечание проигнорировала, передвинула к себе стакан подопечного, вылила в него остатки коньяка, так что получилось почти доверху, и спокойно, мелкими глоточками выпила весь алкогольный напиток. Даже не поперхнулась.

– Пётр, думаю, тебе пора, – заявила Милена после этого, и я поспешил подняться на ноги.

– До завтра, Петя! – тусклым голосом произнёс Лев.

– Увидимся, – заявил я в ответ и пошёл одеваться.

Вот и посидели.

В казарме ещё немного потрепался с Василем и Варей, отметил возвращение девушки с Кордона и наутро встал с намёком на головную боль. Помогли зарядка, контрастный душ и завтрак – на занятия отправился в прекрасном самочувствии, но не сказать, будто в хорошем расположении духа. И дело было вовсе не в разговоре со Львом, накопилось всякого...

Ещё немного побаивался, что кураторы приятеля после вчерашней попойки сочтут наше дальнейшее общение неуместным, но – нет, выкативший за ворота клиники автомобиль привычно притормозил, и я забрался на заднее сиденье. Кивнул Милене, пожал руку Льву. Тот показался слегка смущённым, при этом от недавней хандры не осталось и следа.

– Извини за вчерашнее, – попросил он. – Накатило просто.

– Да ерунда! Зачем ещё нужны друзья? – усмехнулся я и заявил: – Устал в четырёх стенах сидеть, вот и скис.

– И что ты предлагаешь? – поинтересовалась с лёгкой улыбкой Милена.

У меня было два варианта, но после недолгих раздумий йогу я забраковал – пусть Лев и увлекался ориентальной эзотерикой, он и без того проводил во всяческих медитациях слишком много времени. Поэтому сказал:

– Бокс.

Милена задумчиво хмыкнула.

– В институтской секции?

– Именно, – подтвердил я. – Заодно и с людьми познакомлю. Ну как?

Льва моё предложение удивило, но долго он не колебался и кивнул.

– Идёт!

Первую пару мы отсидели вместе, а уже на кафедре феномена резонанса меня отыскала Лия.

– Петя, извини, что с психологией так получилось, – смущённо заявила барышня. – Мне так совестно, что тебя выгнали...

– Ерунда! – отмахнулся я. – Но теперь с тебя конспекты.

– Договорились! – обрадовалась Лия и, привстав на цыпочки, чмокнула меня в щёку.

Стоявшему тут же Виктору это несколько не понравилось, и я решил не становиться причиной ссоры, поспешил на следующую пару, отсидел её и покрутился по этажам в поисках Юлии Сергеевны. Нашёл на исходе перемены, но лишь понаблюдал за барышней издали, и помешали завести разговор отнюдь не стеснительность или страх услышать отказ. Пошлёт и пошлёт, переживать не стану, просто она в компании монархистов обнаружилась, а на людях с предложениями подобными моему к приличным девицам обращаться точно не стоило. Да и к не совсем приличным – тоже.

Отсидел последнюю пару и отправился на кафедру кадровых ресурсов, а по пути забежал в учебный отдел и попытался поменять курс психологии на посещение занятий комбинаторики, и если с первым не возникло никаких сложностей, то со вторым мне помочь не смогли.

– Послушать магистра Рейса желающих хоть отбавляй, но сразу могу сказать, что на такой обмен никто не согласится. Курс комбинаторики посещают студенты крайне целеустремлённые и не склонные к метаниям. Да и согласовать расписание не получится. Могу предложить курс основ судебной психиатрии. Устроит?

Мне было всё равно, ответил согласием и отправился на встречу с Альбертом Павловичем.

– И как тебе «Гранд-отель»? – первым делом поинтересовался тот.

– Дорого! – заявил я и выложил на стол позавчерашний счёт.

Куратор глянул на итоговую сумму и хмыкнул.

– Предлагаешь заплатить за твои излишества из собственного кармана? – с улыбкой поинтересовался он.

– Я ничего не предлагаю, Альберт Павлович. Я хочу сказать, что в следующую субботу придётся обойтись без меня, просто не потяну поход в ресторан по финансам.

– Не прибедайся! – укорил меня куратор, вздохнул и вытянул из кармана бумажник, кинул на стол две четвертных банкноты. – Чего смотришь? Готовь сдачу и пиши расписку!

– Сдачи не будет, – пробурчал я, забирая деньги. – Сдача на чаевые ушла. И это я ещё две поездки на извозчике и рубль вахтёру сюда не плюсю!

– Вот ты молодец! На ходу подмётки режешь!

Я присел за стол, взял лист бумаги и ручку, спросил:

– И зачем это всё было? А то: «тридцать рублей! тридцать рублей!..»

– Петя, ты же курс психологии посещаешь – подумай сам. Ничего на ум не приходит? – Альберт Павлович покачал головой. – Ты в ресторан, Петя, не пировать на казённые деньги ходил, а работать. И лицедей из тебя аховый, официанты вмиг раскусили бы, пытайся ты мировую скорбь изображать. А так эмоции у тебя натуральной некуда были. Как говорится: и хочется, и колется. И денег жалко, и барышню в койку завалить нужно. Скажи ещё, что я не прав!

Я ответил тяжким вздохом и взялся за составление расписки.

– А в следующий раз как же?

– Будем надеяться, мнение на твой счёт уже сложилось. Действуй по прежнему шаблону.

Я отдал расписку и спросил:

– И в чём смысл?

Альберт Павлович только покачал головой.

– Меньше знаешь, крепче спишь, мой друг. Говорю же: лицом торговать ты пока ещё не обучен, запорешь нам всё дело, если до дела, конечно, всё же дойдёт.

– Вот как? – разозлился я. – А насчёт того, что негатива брать придётся, мне тоже знать не следовало? К чему секретность на пустом месте разводить было, скажите на милость? Он мне чуть голову не снёс!

– Тебе любой оператор голову мог снести!

– Ну с обычными я как-то привык бодаться. А с негативом сталкиваться не доводилось!

– Ну извини, – развёл руками куратор. – Подумать не мог, что это важно. Знал бы – предупредил.

Я решил этому заявлению поверить и задал давно волновавший вопрос:

– А как вообще негативу разрешили контракт с частниками заключить?

Альберт Павлович вздохнул.

– Да не был он сразу после инициации негативом.

– Проглядели, что ли?

– Сказано же: не был! Какое-то уникальное отклонение случилось, уже в ходе обучения начал с энергией в противофазе работать. Только не как ты – в резонансе, а постоянно. Такие дела.

– Ого!

– Вот тебе и ого. Сейчас хоть нормальные обследования провести сможем.

Я счёл за благо не интересоваться дальнейшей судьбой этого уникама, поднялся и уточнил:

– Тогда пойду?

– Иди, – отпустил меня Альберт Павлович. – В субботу после учёбы загляни. Деньги выдам, возможно, какие-то вводные поменяются.

Я попрощался и поспешил в лабораторный корпус. А там всё как вчера – лифт, проверка документов, раздевалка. Разве что сегодня меня на процедуры никто не сопровождал, лаборант просто написал на бумажном квитке какую-то цифровую белиберду.

Но белибердой этот код был только для непосвящённых, а мне и сбор трав кипятком залили, и в парную на этот раз за номером два направили.

– Кружку ставь на стол, простынку на крючок вешай, – распорядился банщик и перевернул песочные часы, одни из многих, выстроенных перед ним. – Ты седьмой. Скажи третьему, что у него время вышло.

Я вошёл в парную и на миг растерялся, поскольку всё помещение оказалось заполнено густым паром.

– Третий, на выход, – сказал я и принялся дышать медленно и неглубоко. И так же неспешно продвигаться вперёд.

И дело было даже не в том, что в густой завесе пара ничего было толком не видно, просто при любом мало-мальски резком движении кожу ощутимо обжигало, а вот стоило замереть на одном месте неподвижно, и становилось даже немного прохладно. Весь мокрым сделался с головы до ног в один момент.

Мимо кто-то прошёл на выход, а я обнаружил нишу в стене и устроился в ней на гладкой и тёплой мраморной плите. Мраморным здесь было всё кругом, и подумалось, что этот камень тоже привезли из окрестностей Эпицентра.

Минут десять я так и просидел, а потом от двери слышалось:

– Седьмой, время вышло!

Тогда покинул парилку, сполоснулся под душем, выпил принесённый с собой травяной настой.

– В первую процедурную проходи! – подсказал банщик. – Давай! Не тормози процесс!

В процедурной из всей мебели оказался один-единственный массажный стол и столь же одинокий стул. Восседавший на нём, словно на троне, крепкий мужичок в белом халате с закатанными рукавами оторвался от изучения моей медкарты и коротко бросил:

– На живот ложись.

Затем подошёл и принялся разминать мышцы плечевого пояса, а немного погодя спустился к пояснице, чтобы вернуться обратно и начать мять меня всерьёз. Физическое воздействие он сопровождал лёгкими выплесками сверхсилы, как если бы хотел ко всему про-

чему воздействовать ещё и на энергетические каналы. Не могу сказать, будто ощущения были такими уж болезненными, но и приятными их назвать не поворачивался язык.

Процедура затянулась на четверть часа, дальше я допил остатки травяного чая, успевшего настояться куда сильнее вчерашнего, и отправился не в соляную пещеру, а в соседний блок процедурных. Заведовавшая тем лаборантка отвела меня в помещение то ли с большой ванной, то ли даже с маленьким бассейном, доверху заполненным прекрасно знакомой грязью.

– Погружаетесь с головой, входите в резонанс и не держите энергию в себе, выплёскиваете всю по мере поступления, – сообщила мне она. – Потом в душ и свободны.

Я неуверенно поёжился.

– Весь резонанс?

– Весь, – с усталой улыбкой подтвердила барышня. – Это важно. Длительность транса будет отслеживаться по динамике температуры состава. И нечего кривиться – иным операторам там с дыхательными трубками сидеть приходится!

Я бы тоже с превеликим удовольствием посидел там с трубкой, если б это хоть что-то могло изменить, но сетовать на свою неудачную инициацию не стал, дождался, когда лаборантка вернётся на свой пост, повесил простынку на крючок и осторожно, опасаясь поскользнуться, сошёл по ступенькам в бассейн. Постоял миг, набрал в лёгкие побольше воздуха и, переборов неуместную брезгливость, присел.

Грязь облепила и сдавила, на миг показалось, будто не сумею дотянуться до сверхсилы, но стоило только вогнать себя в резонанс, и после едва уловимой заминки та потекла в меня студёным ручейком. Поначалу приток энергии рос с едва ощутимой пробуксовкой, но чем дальше, тем больше отыгрывал отставание. Сверхсила была какой-то расфокусированной, она никак не желала структурироваться, избавлялся от неё с несказанным облегчением, словно отплёвывал забившую рот грязь.

И ещё стало холодно, ознобом продрало опасение, что не сумею вынырнуть – просто уткнусь макушкой в корку льда, но – нет, стоило только оборваться резонансу, и безо всякого труда выпрямился, спешно покинул бассейн со ставшей очень уж холодной и вязкой грязью. Вслепую я выбрался из процедурной, наощупь отыскал вентили душа и потом долго оттирал кожу и вымывал волосы. Заодно и согрелся.

На выходе сунулся было к лаборантке, но та лишь махнула рукой:

– Там объяснят.

И в самом деле – Леопольд велел подождать пять минут, после вышел и протянул листок.

– Держи рецепт. Покупать ничего не надо, получи травяной сбор в буфете, заваривай и пей по вечерам. Жди четверть часа, затем входи в транс. Вообще входи в резонанс как минимум утром и вечером, а в идеале – три раза. Понял?

Я кивнул.

– И ещё реабилитолог рекомендовал тебе в бассейн ходить. Десять минут в парилке греешься, двадцать – плаваешь, ещё пятнадцать тебя мнут. Это не каждый день, только когда процедур нет.

Предложение меня совсем не воодушевило.

– Дорого, поди, – засомневался я.

– Сеанс – три рубля, – заявил Леопольд. – Рублей сорок в месяц выйдет. Много разве?

– Но и немало, – вздохнул я и махнул рукой. – Ладно, похожу. Изыщу ресурсы.

– Вот-вот. Изыщи.

Дальше я получил в буфете несколько бумажных пакетиков с травяными сборами и листовку-инструкцию с указанием должных дозировок и поспешил в расположение. Приблизилось время дежурства.

На ближайшей к комендатуре остановке увидел ожидавших трамвай Марину и черноволосую Карину, компанию барышням составляли Антон и Михай. Мои сослуживцы вошли в переднюю дверь, я покинул вагон, прыгнув с задней площадки. Скрывать не стану – испытал досаду. Но чего уж теперь...

Наскоро пообедал, собрался, получил оружие, потопал за мотоциклом. На построении дежурной смены постарался встать подальше от Феде Маленского, ибо пересекаться с ним не желал даже случайно. И так настроение хуже некуда, ещё его физиономию наблюдать. Не хочу.

– На юго-запад сегодня не поедем, – заявил старшина Ревень. – Покажу вам промзону, оттуда крюк сделаем до вокзала и остаток смены по центру покатаемся.

– Обычно же все свою территорию объезжают? – не удержался от вопроса Василь.

– Обычно и не два стажёра в патруле, – огрызнулся старшина и scomандовал: – Поехали!

Ну и – поехали. Наглотались дыма, валившего из заводских труб, и оказались едва ли не по уши забрызганы грязной водой из стылых луж, ещё и замёрзли. Немного отогрелись в буфете на первом этаже вокзала, но именно что – немного. Наскоро выпили по стакану горячего сладкого кофе с молоком и отправились дальше. На бульваре Февраля не задержались, сразу свернули с него, проехали по сонным тёмным кварталам вроде тех, где мы выискивали наркоторговцев.

Здесь тоже несколько раз останавливались и проверяли документы, а потом Василь встретился и указал на фасад одного из домов.

– Гляньте!

Я сбросил скорость, а потом и вовсе выехал с дороги на тротуар, но вот так сразу сообразить, что именно насторожило сослуживца, не смог.

– Свет мигает! – подсказал он.

И точно – сразу в нескольких окнах соседнего здания явственно помаргивали электрические лампы.

– Кто-то со сверхэнергией балуется, – решил старшина и спросил: – Линь, сможешь источник определить?

– Подойти надо.

– Ну так за чем дело стало?

Я перегнал мотоцикл к воротам, преграждавшим въезд во двор, и бросил его там, выдернув ключ из замка зажигания. Прихватил с собой ППС и вслед за сослуживцами поднялся на крыльцо. На стук отпер то ли дворник, то ли консьерж, поставленный присматривать за жильцами владельцем.

– А что это, уважаемый, у вас свет мигает?

– А чёрт его знает! – прямо ответил мужичок. – Как дело к ночи, так и начинается катавасия, а потом само проходит. Электрика вызвали, так он руками разводит. Нету неполадок, мол. А я ему: «а если короткое замыкание случится, кому отвечать?»

Старшина отодвинул говорливого мужичка в сторону и приказал мне:

– Веди!

Я ещё с улицы уловил явственные колыхания энергетического фона, какие-то очень уж упорядоченные, укладывающиеся во вполне распознаваемый ритм. Источник помех точно был не на первом этаже, и я поднялся по лестнице, прошёл по коридору, остановился напротив одной из дверей.

– Точно! – кивнул Василь. – Оттуда накатывает!

Ревень повернулся к консьержу, который благоразумно остался дожидаться нас у лестницы, и спросил:

– Кто тут живёт?

– Так жиличка... Квартиросъёмщица, в смысле.

– Одна?

– Кавалеров, бывает, приводит. Но так у нас и не запрещено. Не общежитие, чай.

– Понятно, – проворчал старшина. – Фамилия есть у неё?

– Есть, как не быть!

– Так назови! – потребовал Ревень, а когда консьерж выполнил распоряжение, попросил

Василя: – Свяжись с дежурным, пусть проверят по имени и адресу.

Василь набрал в грудь побольше воздуха и зажмурился, а секунд через десять распахнул глаза и объявил:

– Сейчас ответят.

– Ждём! – объявил Ревень.

Ждать пришлось минут пять, а потом Василь дёрнулся, будто по затылку незримым молотком тукнули, и отрапортовал:

– Всё чисто.

Тогда старшина обратился ко мне:

– Линь, сколько их там?

Я напрягся, но к однозначному результату прийти не смог.

– Непонятно. То ли двое, то ли один. То так, то так. Ерунда какая-то...

Ревень покачал головой, словно дивясь моей бестолковости, затем несколько раз долбанул кулаком по двери, и помехи вмиг сгинули, моргавшая в дальнем конце коридора лампочка загорелась ровно-ровно.

– Откройте, полиция! – гаркнул тогда Ревень, отчего-то не пожелав афишировать нашу принадлежность к комендатуре ОНКОР.

Я взвёл пистолет-пулемёт и отодвинулся в сторону.

– Двое их там, – сказал после этого. – Точно, двое!

Василь доставать оружие не стал и принялся тянуть в себя сверхсилу, а вот старшина не сделал ни того ни другого и ещё раз приложился по едва не хрустнувшей под его напором филёнке.

Миг ничего не происходило, затем дверь приоткрылась на длину цепочки и в образовавшемся зазоре замаячила физиономия растрёпанной женщины средних лет в халате, накинутом, такое впечатление, на голое тело.

– Чего вам ещё надо?! – начала она тоном завзятой склочницы, но мигом заткнулась, стоило только старшине поднять руку с раскрытым удостоверением.

– Старшина Ревень, комендатура ОНКОР! – представился он и грозно нахмурился. – Нарушаем, гражданка?

– Ой, да что вы! Да оно само как-то получилось...

– Документы! – рыкнул Ревень, не став требовать впустить нас в квартиру для досмотра.

Дамочка немного помялась, потом отступила от двери и некоторое время спустя высунула наружу руку с паспортом оператора сверхэнергии и карточкой-пропуском. Старшина изучил их и вернул, сказал:

– И бумаги кавалера.

Женщина раскрыла было рот, но ни скандалить, ни даже просто захлопнуть дверь не решилась, вновь скрылась из виду и после недолгого вроде бы даже спора предъявила точно такой же набор документов.

Ревень изучил их и переписал установочные данные в блокнот, после передал паспорт Василию и scomандовал:

– Пробей!

Того аж перекосило – и так весь красный и потный стоял, словно не мысленно с дежурным связывался, а туда-обратно бегал, но деваться ему было некуда: установил ментальную связь, чтобы минут через пять принять ответ.

– Чист!

Старшина вернул документы и предупредил:

– Завязывайте со своими практиками, гражданка. В следующий раз оформим протокол, и схлопочете оба по два месяца исправительных работ.

Дверь захлопнулась, мы спустились на первый этаж, и консьерж полюбопытствовал:

– А что было-то?

– Технический момент, – отмахнулся от него Ревень. – Если ещё свет мигать начнёт, звони в комендатуру.

Мы вышли на улицу, и Василь с наслаждением хватанул ртом морозного воздуха, потом задал вопрос, интересовавший и меня самого:

– А почему «откройте, полиция»?

– Операторы полицейских и в грош не ставят. Нам могли и не открыть, затаились бы внутри, как мыши. И что тогда? Речи о пресечении противоправной деятельности не идёт, пришлось бы санкцию на взлом запрашивать и подкрепление вызвать. Полночи бы точно прокуковали. А так – докладной отделаюсь.

– А чем они занимались-то? – спросил я.

Старшина закатил глаза.

– А сам как думаешь, Линь? Совокуплялись они по-новомодному – с задействованием сверхсилы. Вот тебе и «то двое, то один»! Всё бы ничего, если б с энергией меру знали.

Василь хрюкнул, я решил было, что он так странно смеётся, но нет, сослуживец покачнулся и навалился на сиденье мотоцикла.

– Срочный вызов! – хрипло выдохнул он мгновенье спустя. – Перестрелка на углу Фабричной и Тысяча девятьсот пятого года!

– Ого! – озадачился старшина. – Там на углу объединённая касса взаимопомощи! Линь, погнались!

И – погнались!

На место домчались минут за пять, но прибыли к угловому дому с колоннами и атлантами на фасаде далеко не самыми первыми. К этому времени на соседнем перекрёстке уже вовсю размахивал красным флажком регулировщик, он заворачивал редкий транспорт с Фабричной в боковой проезд, но мы проехали беспрепятственно. Остановили нас уже посреди квартала, где дорогу перекрыл броневик.

– С задов заезжайте! – крикнул незнакомый сержант, указав на арку дома напротив. – Только во двор не суйтесь, просто выезд перекройте!

Немного дальше напротив облицованного мрамором крыльца валялись покорёженные обломки мотоцикла с коляской, и вот так сразу определить, что именно с ним приключилось, я не смог. Но приложили сверхсилой – это точно. Среди колонн на забрызганных кровью ступеньках распластался человек в штатском, а вот из попавшего под удар патруля никого видно не было, но это ещё ни о чём не говорило: прочь уже катила карета скорой помощи.

Дела!

– Поехали! – негромко скомандовал Ревень, и я медлить не стал, вывернул руль, направил мотоцикл в арку; там его и оставил.

Двор пересекли рысцой, укрылись за оградой на задворках кассы взаимопомощи, где занял позицию белый как мел околочный с револьвером в руке.

– Что тут? – обратился к нему старшина.

– Сунулись было, так я их пугнул, – ответил полицейский и судорожно слотнул. – А у самого душа в пятки ушла. Думаю: вот жажнут молнией, и поминай как звали!

– Операторы там?

– Они.

Я немного привстал и глянул на здание через прутья ограды; все окна оказались темны, энергетических помех уловить не удалось.

– И что делать будем? – с азартом спросил Василь.

– Ждать! – коротко ответил Ревень. – И ты, Линь, давай сиди ровно. Чтоб никакой инициативы без приказа!

Василь раздражённо засопел, а вот меня такой настрой старшины всецело устроил. Великим специалистом по штурму зданий не был, но после тренировок с десантниками вполне отдавал себе отчёт, что с кондачка такие дела не делаются. Это пусть бойцы штурмового взвода повышенное довольствие отработывают.

Те прибыли минут через десять. Пулемётчик и его второй номер расположились рядом с нами, а снайпер ловко вскрыл дверь чёрного хода соседнего дома и увёл с собой Варю, та только и успела, что рукой помахать. Надо понимать, на чердаке либо на верхнем этаже позицию займут.

– Свободны! – отпустил нас пулемётчик и обратился к околоточному: – Пройдись по жильцам, предупреди, чтоб от окон подальше держались. Мало ли – прилетит.

Полицейский с готовностью поспешил прочь, а вот Василь насупился, и старшина украдкой показал ему кулак. Подействовало. Мой товарищ только и вздохнул, усаживаясь на мотоцикл, в пререкания с инструктором вступать не стал.

На улице бойцов корпуса заметно прибавилось, старший лейтенант Ельня раздавал своим людям последние наставления, не обошёл своим вниманием он и нас.

– Ждите! – приказал взводный штурмовиков. – Привлечём, если придётся преследование организовать.

Василь воспрянул духом, а потом заметил среди офицеров Леонида Зимника и отпросился на две минуты у старшины, побежал к нашему бывшему инструктору. Ревень только коротко матернулся ему вслед.

– Вот же неймётся человеку...

Впрочем, принесённые Василем новости он выслушал с живейшим интересом. Как оказалось, через полчаса после закрытия сработала тревожная сигнализация, и диспетчер направил на проверку отвечающий за округу патруль. Вот они и нарвались.

– Сержанта в больницу увезли, его серьёзно поломало, но жить будет. Водитель и стрелок лёгким испугом отделались, – просветил нас Василь. – Петя, представляешь – у них за стрелка Маленский был.

– Бог с ним, – отмахнулся старшина. – На крыльце кто? Кого-то из налётчиков положили?

– Не, это ночной сторож. Налётчики им прикрылись, когда наши подъехали. Непонятно толком, что именно случилось, но вроде они ему в спину пальнули.

– Вот ведь лиходеи какие! – цокнул языком Ревень. – Кровь пустить не побоялись!

В этот момент Зимник выглянул из арки и гаркнул:

– Линь! Бегом сюда!

У меня холодок по спине прошёлся, но медлить не стал, подбежал. Командир штурмового взвода сходу потребовал:

– Давай, расскажи нам, где налётчики засели.

– Да нет там никого! – махнул рукой тот самый сержант, что послал нас караулить задворки. – Я дважды проверял – нет внутри операторов! Ушли они.

Леонид Зимник покачал головой.

– От активного поиска могли и закрыться.

Сержант фыркнул и в пререкания с офицером вступать не стал, глянул на меня с раздражением.

– Давай, гений! Удиви нас!

Я вспомнил, как непросто было соотнести картинку в голове с планировкой квартиры в прошлый раз, и заколебался, но быстро нашёл выход, решив руководствоваться примером Лизаветы Наумовны.

– Есть план здания? – спросил, стягивая с головы танковый шлем.

Командир штурмового взвода расстегнул планшет, начал разворачивать тонкие листы. Кто-то принялся светить электрическим фонарём.

– Мне одного этажа хватит, – предупредил я, попросил карандаш и перебрался к выходу из арки, откуда открывался вид на здание кассы взаимопомощи. Там покрутил лист так и эдак, пытаясь сопоставить план и реальность, после открылся ясновиденью и мысленно толкнулся вперёд, но не уловил ни малейшего отклика внутри конторы; все искажения энергетического фона охватили её своеобразным периметром. Это – наши.

– Ну что там? – поторопил меня Зимник.

– Сейчас! – мотнул я головой. – Отойдите пока, господин лейтенант, мне бы в резонанс войти.

Лейтенант отступил, но вот так сразу вогнать себя в состояние транса не вышло. Если обычно шквал энергии подхватывал, стоило только того захотеть, то здесь пришлось тянуться к сверхсиле изо всех сил. Ну да – на девятом витке перерыв должен оставлять около шести-семи часов, толком ещё не восстановился, наверное...

Додумать мысль не успел: словно передача переключилась, и пришлось лихорадочными усилиями распределять энергию по организму, уплотнять, сдавливать, не позволять вырваться вовне. Ощутимо потянуло назад и едва не опрокинуло на спину, но переборол притяжение операторов, сгрудившихся в другом конце арки, и подался вперёд, попытался ощутить отклик в мрачной коробке четырёхэтажного здания кассы взаимопомощи.

В голове немедленно возникла картинка с тёмным прямоугольником, окантованным россыпью светящихся точек. Да что ж это такое?! В доме – никого!

Меня вынесло на пик потенциала, и удерживать в себе такую прорву сверхсилы не стал даже пытаться, запустил алхимическую печь, принялся пережигать энергию и приводить в порядок потенциал. Попутно мотнул головой и сказал:

– Никого!

– Как я и говорил! – самодовольно заявил сержант.

Взводный штурмовиков проигнорировал это высказывание и дважды махнул рукой.

– Пошли! Пошли!

К центральному крыльцу и боковому входу выдвинулись группы захвата, а я вернул лист с планом здания и к мотоциклу отходить не стал. Нет, ну в самом деле – а зачем? Ясно ведь и понятно, что налётчиков в здании нет. Ушли.

Когда донеслись приглушённые расстоянием и стенами хлопки выстрелов, а следом ухнул взрыв и дрогнула под ногами земля, у меня самым натуральным образом челюсть отвисла. От взводного штурмовиков удивление не укрылось, и он благодушно улыбнулся.

– Ну а ты как хотел? Не одни операторы банки грабят, знаешь ли.

Тут-то я и сообразил, что моё урезанное ясновиденье попросту не могло выявить присутствие в здании обычных людей, и если грабители со сверхспособностями точно успели сделать ноги, то их подельники такой предусмотрительностью похвастаться не могли. Вот и влипли.

Долетел отголосок глухого удара, и старший лейтенант Ельня прижал к виску два пальца.

– Пропустить! – приказал он, мотнул головой и бросил Зимнику: – Готовься! – А потом крикнул, повысив голос: – Не стрелять!

Взводный штурмовиков перегородил проезд, который вёл на задворки кассы взаимопомощи, Леонид Варламович встал рядом, и тут уж я медлить не стал, рванул к загодя отогнанному на улицу мотоциклу. Тут же послышался надсадный рык автомобильного движка, в подворотне мелькнул отблеск фар, и в арку влетел бронированный автомобиль перевозчиков денег

с мятыми решёткой радиатора и капотом, как если бы налётчикам пришлось тараном выносить ворота.

Дальше – скрежетнуло и хлопнуло!

Скрежетнул сминаемый передок машины, сверкнуло и хлопнуло в кабине. Разлетелось стеклянное крошево, водитель навалился грудью на баранку, да так и замер, а вот пассажир вывалился в распахнувшуюся дверцу и даже сумел вскинуть пистолет, но его руку тут же стиснули и задрали к небу незримые тиски. Бойцы штурмового взвода кинулись вперёд, обезоружили и завалили на землю одного, выволокли из-за руля и сковали наручниками другого. Вся операция не заняла, пожалуй, и десяти секунд.

– Лихо, – признал я, отойдя к мотоциклу, и старшина Ревень кивнул.

– Учитесь! – заявил он.

Василь только фыркнул.

– Взять мало! Вот расколоть и оперативные данные отработать – это да!

«Уж твой ненаглядный Леонид Варламович в прошлый раз расколол так расколол!» – мысленно поморщился я, но вслух ничего такого произносить не стал. Натянул краги и заранее завёл мотоцикл. Чую – сейчас пошлют те самые оперативные данные обрабатывать.

Глава 4

В расположение вернулись уже за полночь усталыми и голодными. По тревоге подняли весь личный состав комендатуры и полицейского управления, на перекрёстках выставили пикеты, шли облавы и тотальные проверки документов. Но – впустую. По крайней мере, когда нам дали отмашку закругляться, никакого результата поиски скрывшихся операторов не принесли.

Утром еле встал. Нет, бывало и хуже, но давненько уже с такой неохотой не выползал из-под одеяла, даром что по уговору с Василем утреннюю зарядку мы сегодня решили пропустить. Правда, пришлось сбегать на полигон и быстренько вогнать себя в резонанс, только это ерунда, дело минутное.

В институте прилежно конспектировал лекции, но мысли были заняты совсем другим. И нет, не вчерашним происшествием – моё дело маленькое, это пусть у оперов голова болит. Думал, как бы подкатить к Юлии Сергеевне. Не могу сказать, будто так уж подпирали естественные потребности организма, в первую очередь хотелось восстановить пошатнувшуюся самооценку. Ну и просто хотелось, не без этого.

Более-менее расписание Юли я представлял, отыскал её на первой же перемене безо всякого труда. Отыскать – отыскал, а вот переговорить тета-тет не получилось. Барышня везде и всюду ходила с друзьями и подружками, а идею будто бы случайно попасться ей на глаза я отверг как неконструктивную. Куда интересней показалось попрактиковаться в слежке и сборе информации – вот этому занятию все перемены и посвятил.

Не сказать, что особо преуспел, но, к примеру, узнал, что мрачного молодого человека в поношенном костюме звали Кешей и все в компании им откровенно помывкали. А вот Анатолий и в самом деле оказался вице-чемпионом «Общества изучения сверхэнергии» по боксу, и барышни через одну строили ему глазки, чем безумно раздражали Настю. Ну а кузен Роман ухаживал за кузиной Юлией, только без особого успеха. Меня это порадовало.

Процедур на сегодня назначено не было, после занятий поколебался немного, но всё же библиотеке предпочёл бассейн. Трёшки жалко, конечно, да только надо себя на пик формы выводить. Четыре месяца в запасе остаётся, а в июне такая кутерьма закрутится, что просто не до того будет.

По дороге на курсы купил утренний выпуск «Новинского времени», вся первая полоса которого была посвящена вчерашнему налёту на кассу взаимопомощи и убийству ночного сторожа. Впрочем, там не напечатали ничего такого, чего бы я уже не знал. Газетчики даже не смогли разузнать, сколько именно было похищено денег и удалось ли преступникам вскрыть денежное хранилище вовсе. Больше на эмоции давили. Сенсация же!

Теоретические занятия сегодня перемежались практическими демонстрациями, но камерными – аудиторию мы не покидали, работали друг с другом. А вот Герман Харитонович лекций читать не стал.

– Пока кинетический экран не отработаете, к новым темам переходить смысла не вижу, – проворчал он и строго спросил: – Практиковались?

Все закивали, даже я.

– Готовьтесь! – распорядился лектор, вытянул из жилетного кармашка часы и выжидающе посмотрел на циферблат.

Я решил не торопиться и отошёл в угол аудитории. Там потянулся к сверхсиле, стал трансформировать её в кинетическую энергию, а ту, в свою очередь, перебрасывать в плоскость перед собой. Принцип был мне понятен, с давлением проделывал такое на раз-два, тут же ничего путного не выходило. Попросту не получалось согласовать векторы силы.

– Линь! – скомандовал Герман Харитонович. – Ты последний остался!

Ну да – остальные уже отстрелялись, и довольным после общения с лектором не выглядел ни один. Заранее морально готовясь к нагоню, я двинулся по проходу, край кинетического экрана зацепил парту, и ту кинуло вперёд, а меня отбросило назад. Всё случилось столь стремительно, что даже сверхспособности задействовать не успел, – от удара спиной и затылком о стену даже звёзды из глаз посыпались.

– Убьёшься ведь, бестолочь, – вроде бы даже ласково посетовал лектор и стукнул пальцем по краю столешницы, пресекая смешки. – Ну-ка, цыц! Он хоть что-то изобразить смог!

Дальше начался разбор ошибок, Герман Харитонович по очереди работал с каждым из слушателей и со мной – наравне со всеми. Что-то вроде бы даже начало получаться, но полноценный экран сотворить не удалось, только взмок зазря.

Потом стреляли в тире и отработывали перемещения по коридорам и комнатам, учились правильно входить и прикрывать друг друга. А напоследок вновь отправили отработывать технику закрытой руки. На этот раз Кирилл и Елисей отсылать не стали, ватники и маски выдали всем. Точнее сказать: всем, кроме меня, мне вручили стёганую куртку.

– Это Герман Харитонович попросил? – пошутил я, пряча за ухмылкой неуверенность.

– Он предложил вообще ничего не давать, – отшутился наставник по стрелковой подготовке. – Не жмись, Линь! Техника у тебя получше других, надо развиваться. Как говорится, тяжело в учении, легко в бою!

Выстрелил он безо всякого предупреждения, и словно киянкой в грудь долбануло. Как устоял на ногах – не знаю. И снова: выстрел! выстрел! выстрел!

Когда опустел барабан револьвера, мне дали отдохнуть, заодно собрали всех и начали втолковывать, как нужно двигаться, дабы максимально затруднить противнику прицеливание – раскачивая корпус и передвигаясь не строго по прямой, но рывками из стороны в сторону.

– Кинетический щит пока ещё выставите, а таким вот макаром сумеете пару секунд выгнать, – заявил инструктор. – Это сейчас вам кажется, что смешно эдакие коленца выкидывать, а под обстрел попадёте, вспомните мою науку добрым словом. Неопытному человеку сможете прицел на раз-два сбить, да и опытные в сшибке на встречных курсах особой меткостью не блещут.

Дальше с небольшим перерывом по мне расстреляли ещё два барабана, и, надо сказать, за исключением первого неожиданного выстрела, прикрыться не удалось ещё разве что от пары тройки попаданий.

– Учись двигаться, курсант, – заявил наставник под конец занятия. – Пригодится!

«Хочется верить – нет», – подумал я, через силу улыбнулся и поплёлся вслед за сокурсниками в душевую. Там обнаружил два здоровенных кровоподтёка на рёбрах и ничуть не меньший синяк на бедре, а в остальном – порядок. Прочие удары ощущал, конечно, но более-менее предугадывал, куда именно угодит каучуковый шарик, и успевал концентрировать там сверхсилу.

– Дела! – присвистнул Елисей. – Меня и в ватнике чуть с ног не сбивало!

– Дело привычки, – махнул я рукой. – Когда палкой лупасят, тоже приятного мало.

– Это где такие тренировки? – полюбопытствовал вытиравшийся полотенцем Кирилл.

– А кто говорил о тренировках? – с усмешкой заявил я, не став вдаваться в детали.

– Ну ты прям железный! – рассмеялся кто-то из сокурсников.

Но – увы, железным я пробыл примерно до вечерней тренировки, а там как начал разминаться, так мигом все ушибы прочувствовал, даже те, которые поначалу не болели. Немного помедитировал, ускорил регенерацию и рассасывание гематом, но и так едва отзанимался. Да ещё ближе к концу пожаловал Михаил Дмитриевич, вызвал с полдюжины бойцов, в том числе и меня, и начал ставить нам технику ножевого боя. Филонить прапорщик никому не давал, и в раздевалку я буквально уполз. Ещё и под душем спокойно постоять не дали – Матвей и Макс при виде синяков пристали с расспросами, пришлось отшучиваться.

Завалился я после этого спать? Как же, как же! Заварил травяной сбор, влил в себя весь чайничек и, оставив комнату в распоряжении Василя и Вари, потопал на полигон. Нужно было второй раз войти в резонанс, чтоб его так...

В среду продолжил следить за Юлей, уже без бывшего энтузиазма, но и не для галочки, скорее, просто понравилась эта игра. И в первую очередь возможностью опробовать на практике то, что давали на курсах, пусть условия в институте были и не самые подходящие.

Ещё впервые посетил занятия по судебной психиатрии. Вёл их Владимир Прокофьевич Лагинский – седовласый старичок с бородкой-клинышком, а слушателей было раз в пять меньше, нежели на курсе Рейса, и потому незамеченным моё появление не осталось.

– Подойдите, молодой человек! – потребовал лектор перед началом занятия, пришлось выбираться с заднего ряда, топать к кафедре и объясняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.